

Вранова погоня

Автор:

Татьяна Корсакова

Вранова погоня

Татьяна Владимировна Корсакова

Вранова башня #1

Долгие годы Эльза живет в постоянном страхе перед преследующими ее птицами, которыми управляет черный человек в образе чумного доктора. Говорят, это Вранова погоня, безжалостная к своим жертвам. Почему так происходит и можно ли это остановить? Чтобы разрешить загадку, в тайгу по желанию неизвестного благодетеля отправляется экспедиция из нескольких человек вместе с самой Эльзой. Настало время заглянуть в глаза собственному страху.

Татьяна Корсакова

Вранова погоня

© Корсакова Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Полуденное солнце жгло немилосердно. Если бы не налетающий временами ветерок, было бы совсем тяжело, а так ничего, терпимо. Впрочем, не боялся Архип

ни солнца, ни ветра, ни черта лысого. А чего боялся, о том никому не рассказывал. Кому надо, кого просил о прощении денно и ночью, тот и так все знал, все видел.

Архип замахнулся, лезвие топора с сухим хрустом вошло в березовое полено, расколов его на две почти идеально ровные половинки. Гора из наколотых дров неуклонно увеличивалась, часа через два придет Сережка, станет складывать дрова в аккуратную поленницу. Архип это дело не любил, помахать топором – всегда пожалуйста, а чтобы потом порядки наводить – это не для него. Хотя, если бы отец настоятель велел, он бы не ослушался, сделал все, как должно. Но отец настоятель в такие дела не вмешивался. Так и получалось, что вроде как у каждого послушание есть, но послушание это по сердцу, а не поперек души. Не должно быть в монастыре ничего поперек души. Души тут частенько и без того надломленные, их лечить надо, а не наказывать. Так говорил отец настоятель.

Архип слушал, головой кивал, а сам думал, что, может, оно и лучше, чтобы через наказание. Ему, наверное, точно было бы лучше...

За спиной послышался шорох, и рука сама, непроизвольно, покрепче сжала топор. Не отпускало прошлое – что ты сделаешь! – прокралось за Архипом в монастырь, заставляло вспоминать то, чего вспоминать не хотелось.

Разворачивался он нарочито медленно и топор так же медленно положил на старый колун. От греха подальше.

– Э... уважаемый... – Невысокий, какой-то плюгавенький с виду человечек замер на безопасном расстоянии, прикрылся дерматиновым портфелем. Тоже, наверное, от греха подальше. – Архип Белобородов, надо полагать? Меня из канцелярии сюда направили, сказали, вы тут... дровишки колете. – На гору дров человечек посмотрел едва ли не с отвращением, свободной от портфеля рукой утер пот с высокого лба, ослабил узел василькового цвета галстука.

Галстук Архипу понравился, а вот человечек – нет. Было в нем что-то склизкое, неприятное. И манера эта смотреть искоса, по-птичьи. Нехорошая манера.

Отвечать Архип не стал, молча потянулся за топором. Дело нужно делать, а не разговоры разговаривать. Топор со свистом прочертил в воздухе дугу и впился в полено. Полетели щепки. Тихо ойкнул человечек. Ойкнуть-то ойкнул, а Архипа в

покое не оставил, топтался позади, сопел. Вот же настыра!

– Я это... Я к вам, господин Белобородов, по делу.

Господин Белобородов... Ишь, что удумал! Никто еще Архипа господином не называл, не того он полета птица. Впрочем, в монастыре перед Богом все птицы равны, что высокого, что низкого полета.

– Меня предупредили, что вы разговаривать не станете. – Голос человека сделался жалобным и одновременно решительным. Архип поставил новое полено на колун, замахнулся. – Но вы и не разговаривайте. Вы меня послушайте, а потом распишитесь, где покажу. Вот и вся недолга, уважаемый.

Хрясь... Треснуло полено, на сей раз ровненько, совсем без щепок. Архип обернулся к человеку, посмотрел раздраженно.

– Вот и ладушки! Вот и чудненько! – Человек с нежностью погладил пузатый бок своего портфеля. – У меня к вам, господин Белобородов, имеется деловое предложение. То есть не у меня лично, а у моего клиента, вашего, так сказать, будущего заказчика.

Будущего заказчика, значицца... Ну-ну...

Архип отложил топор, повел плечами, одним ударом прихлопнул овода. Овод доставал его уже давно, отвлекал от работы. Вот точно как этот человек.

– Я Никопольский, – представился человек, но руку протягивать не стал. – Никопольский Яков Исаакович. Делопроизводитель. – Он неожиданно ловким и выверенным движением открыл свой портфель, двумя пальцами выхватил из него картонную папку, протянул Архипу. – Вот почитайте. Здесь условия контракта. Я старался, чтобы получилось коротко, без лишней, так сказать, бюрократии. Да вы почитайте, почитайте, уважаемый!

Наверное, картонная папка с надписью «Дело №» придала делопроизводителю Никопольскому смелости, потому что на Архипа он наступал с отчаянной решимостью. Папку Архип взял, повертел в руках, раскрыл. Прежде чем изучить ее содержимое, уселся на колун, подставляя солнцу бурую от загара спину.

Читал долго, вдумчиво. Сначала пробовал по диагонали, а потом неожиданно для самого себя увлекся. Контракт, условия которого делопроизводитель Никопольский и в самом деле описал максимально кратко и максимально четко, был любопытный. В другие бы годы Архип, пожалуй, ухватился за него с превеликой радостью, но те годы давно минули, и радости в его жизни нынче были совсем другие.

Закончив чтение, он аккуратно вернул бумаги в папку, отрицательно мотнул головой.

– Нет? – спросил Никопольский не то удивленно, не то удовлетворенно. – Не заинтересовались, значит?

Архип снова мотнул головой, положил ладонь на отполированную до блеска рукоять топора.

– Я так и думал, хотя и надеялся, что сумею вас заинтересовать. – Никопольский спрятал папку обратно в портфель, но через мгновение извлек на свет божий другую, на сей раз вполне современную, из темно-синего пластика. – Тогда извольте изучить и вот эти документы. Не беспокойтесь, тут совсем немного бумаг. Да считай, тут нет ничего, кроме списка участников проекта. Да вы посмотрите-посмотрите, вдруг увидите знакомую фамилию. Мало ли что...

Эта папка была холодной и по-змеиному скользкой, брать ее в руки не хотелось, но Архип все равно взял, открыл не сразу, а после небольшой заминки.

Никопольский не обманул, список и в самом деле был небольшой. Архип просмотрел список раз, потом другой. В ушах зашумело, а перед глазами закружили золотые мухи. Он отмахнулся от мух широкой ладонью, крепко зажмурился и почти забытым жестом похлопал себя по карману штанов. Сигарет в кармане давно не было, а вот привычка, оказывается, осталась.

– Стоит ли мне расценивать это как согласие, господин Белобородов? – Голос Никопольского окончательно разогнал золотых мух. От голоса этого во рту появился кислый металлический привкус. Архип не выдержал, не открывая глаз, сплюнул себе под ноги.

– Так вы согласны? – зудел над ухом Никопольский.

Глаза пришлось открыть. Он вытер пересохшие губы тыльной стороной руки, словно это могло вернуть ему душевное спокойствие. Не могло, а вот список в руке делопроизводителя мог. Точнее, не список, а человек, чья фамилия в нем значилась.

– Ну как? – А Никопольский уже совал ему в руку дешевую шариковую ручку. – Контракт перечитывать будем или подпишем сразу?

Был этот контракт избавлением или договором с дьяволом? Архип не знал и не хотел знать. Свою подпись он поставил недрогнувшей рукой. Послушание... Вот и появился в его никчемной жизни смысл. Отец настоятель поймет, отпустит в мир послушника-ослушника Архипа Белобородова. Надо только дрова доколоть...

– Вот тут все координаты и контактные данные, а также номер открытого на ваше имя счета. Сумму вы уже видели. – Никопольский положил на колун рядом с Архипом еще один лист бумаги, аккуратно прижал его березовой полешкой. – Мой клиент очень на вас рассчитывает, господин Белобородов. Не подведите его, пожалуйста.

Не подведет. И не потому, что не посмеет нарушить контракт, а потому, что заинтересован в нем ничуть не меньше, а то и больше, чем какой-то там клиент.

* * *

День не задался. Нет, не так! Не задался не просто день, а целый месяц. Если не сказать год! Год этот – чего душой кривить? – выдался так себе. Бывали у Лешего годы и получше, и поинтереснее, и похлебнее. А тут полный провал...

Экран включенного ноутбука подмигнул словно бы с издевкой, показал статистику, на которую смотреть совсем не хотелось. Хреновая статистика! И с каждым днем все хреновее. Новых подписчиков у канала все меньше, а старые куда-то разбегаются. Да не куда-то, а к конкурентам. Черт бы их всех побрал!

Конкурентов своих Леший знал по именам. Точнее сказать, по никнеймам. Мало кто из ютьюбовской братии использовал свое настоящее имя. Леший подозревал,

что вообще никто не использовал. Даже Илья Демидов, наипервейший конкурент, наверняка в миру звался каким-нибудь Васей Пупкиным и был не матерым сталкером-первопроходцем, а каким-нибудь никчемным дрищем, которому просто повезло с голосом. Мужественному баритону Демидова Леший завидовал едва ли не сильнее, чем количеству его подписчиков. Полтора ляма – это силища! Силища и, что немаловажно, реальные деньги. Когда-то и у самого Лешего было под два ляма. Давно, почти полгода назад, еще до виртуальной войны, в которую его втянули. Нет, не так – его выбрали в качестве жертвы, мальчика для битья...

Тот день Леший запомнил очень хорошо, хотя сначала не придавал ему особого значения. Негативные комменты под его роликами появлялись и раньше, дебилов в Интернете всегда хватало. Обидные комменты он стирал, а особо рьяных просто банил. Но в тот день под пост про старую «заброшку» с призраком, на которую Леший возлагал особенные надежды, набежало как никогда много хейтеров. И «заброшка» его – фуффло! И история про призрака, который на этой заброшке обитает, – баян-баянище! И аппаратура у Лешего – отстой, а сам он замшелый и никому не интересный хрен с убогими байками, от которых нормального человека с души воротит! Те комменты Леший старательно потер, оставил лишь несколько для подогрева конфликта и интереса. Как ютьюбер со стажем, он прекрасно понимал, что черный пиар – это тоже пиар. Но первый звоночек уже прозвенел. Сначала он был тонкий, как назойливый писк комара, но с каждым новым постом делался все мощнее, все оглушительнее. Пока не грянул гром, пока однажды статистика канала не просто испугала, а ужаснула. Народ побежал от Лешего на каналы конкурентов и там начал рассказывать, какой Леший отстойный. Сначала побежал народ, а следом рекламодатели. И вот это была уже реальная проблема, решать которую нужно было как можно быстрее, пока канал его и в самом деле не покрылся паутиной забвения.

Леший отхлебнул давно остывший кофе, нашарил в завалах рабочего стола коробку с обветрившейся пиццей, не глядя, сунул в рот большой кусок, но вкуса не почувствовал, а кофе так и вовсе поперхнулся. Если не везет, то не везет по всем фронтам. Вот и Алинка ушла и уже две недели носа не кажет. А ведь когда-то бегала за ним собачонкой, добивалась сначала в виртуале, а потом и в реале. Красивая ведь девка была, почти модель. А Леший еще и нос воротил, перебирал, игрался. Потому что таких Алинок у него тогда был вагон и маленькая тележка. Потому что тогда он был крутейшим блогером. Был... вот ключевое слово. Был да сплыл! И Алинка сплыла вслед за подписчиками и спонсорами, оставила Лешего один на один с реальностью и насмешливо

подмигивающим экраном ноутбука.

На канал Ильи Демидова он заглянул от безысходности и из мазохистских каких-то соображений. Зашел и взвыл, потому что Демидов посягнул на святое, сунулся в ту самую давно закрытую психушку, на которой Леший когда-то сделал себе имя и аудиторию.

Ему тогда и в самом деле несказанно повезло, в полуразрушенном здании на окраине провинциального, ничем не примечательного городка удалось заснять нечто. Сказать по правде, Леший тогда чуть не обделался от страха, но это не главное. Главное, что тот ужас, что он испытал в темных коридорах психушки, выплеснулся на экран и в души его тогда еще немногочисленных подписчиков. Нечто, которое заглянуло темными провалами глазниц в камеру Лешего, не было человеком. Если только в прошлой, давно закончившейся жизни. А в жизни настоящей оно было... призраком? Неприкаянной душой замученного в застенках психушки пациента?

Тот ролик произвел в Сети настоящий фурор. Его комментировали, просмотрели миллион раз, постили и пытались разоблачить его создателя. Но все те разоблачения пошли Лешему лишь на пользу. «Призраком из психушки» заинтересовались историки и фотоэксперты. Не самые маститые, но широко известные в узких кругах. Фотоэксперты в один голос сказали, что ролик не фейковый, а историки раскопали про психушку такое, что им с Лешим хватило еще на десяток роликов: уточняющих, разоблачающих, объясняющих необъяснимое. Они тогда даже нашли в архивах кандидата на роль призрака, сопоставили архивное фото с изображением того, кого заснял Леший, и убедили всех в своей правоте. А потом придумали этому челу страшную историю с энкавэдэшными пытками, зверскими экспериментами и прочей дикой атрибутикой. И пипл схавал! Пипл поверил каждому кадру, каждому сказанному слову! Пипл подхватил одуревшего от счастья Лешего на руки и поволок на самый ютьюбовский Олимп.

Кто ж знал, как больно будет падать с этого Олимпа...

...А Демидов на своем канале со своим харизматичным баритоном бродил по той самой психушке, разоблачал и обличал выдумщика Лешего. И лайки под его видео множились как снежный ком, а Леший мечтал лишь об одном – чтобы из-за вон того темного угла выступил «его призрак», выступил, вцепился Демидову в глотку и порвал на мелкие клочки прямо на глазах у многотысячной толпы

наблюдателей. И пусть бы это было самое звездное видео Демидова. Леший бы пережил, даже поставил бы лайк, как эпитафию на виртуальной могиле конкурента. Но призрак не появился, Демидов выжил, проведя целую ночь в заброшенной психушке, и тем самым вбил последний гвоздь в крышку гроба Лешего...

Яростного взмаха руки хватило, чтобы со стола слетело все, что на нем стояло. В самый последний момент Леший успел подхватить ноутбук. Отключить бы все это... всю эту мерзость. Вот прямо сейчас!

Не успел. Громко тренькнуло уведомление о новом сообщении, в углу экрана призывно замигал значок конвертика. Скорее всего спам, но мало ли. Леший навел курсор на значок, кликнул мышкой.

Это был не спам. Леший очень хотел, чтобы увиденное и прочитанное оказалось не чьим-то злым розыгрышем. Убедиться в этом ему предлагалось сразу, достаточно было изучить указанные в письме реквизиты и проверить счет, который неведомый благодетель открыл на его имя. Реквизиты оказались настоящими. А счет... На счету лежали такие деньги, которых Леший не видел ни от одного из своих спонсоров. И эти деньги станут его, стоит лишь согласиться с предложением благодетеля. А предложение такое, что только дурак от него откажется!

Леший никогда не был дураком. Возможно, однажды он побывал неудачником, но точно не дураком. И чутье на хороший материал он не растерял. А материал, который ему предлагали осветить и опубликовать, был не просто хорошим, а шикарным! И финансовое сопровождение, без которого любой шикарный материал рискует остаться лишь нереализованной задумкой, Лешему обещали такое, что хоть на Луну лети, снимай там замаскированные под кратеры базы инопланетян. И это помимо той суммы, что уже лежала на счету у Лешего!

– Вы принимаете наше предложение? – вежливо поинтересовался невидимый собеседник.

И Леший, не раздумывая ни секунды, написал:

– Разумеется!

Еще около часа они вели сугубо деловую переписку, согласовывали детали и нюансы, а когда все самые важные вопросы были решены, Леший включил видеокамеру.

– Други мои! – Он говорил громко и уверенно. Почти таким же бархатным баритоном, как и ненавистный Демидов. – Други мои, я начинаю невероятный по масштабам проект. Это будет нечто! Это будет реально! Это изменит ваше представление о жизни и смерти! Это превратит вас из лузеров в настоящих выживальщиков! Вам лишь нужно последовать за мной!

Наверное, получилось убедительно. Или просто Фортуна снова вспомнила, что она ее баловень, потому что лайки под этим коротеньким видео посыпались словно из рога изобилия.

– Вот так-то! – рявкнул Леший и врезал кулаком по столу с такой силой, что вздрогнул не только ноутбук, но и, кажется, вся вселенная...

* * *

Холодный, мерзкий дождь все моросил и моросил, а толстый поп над разверстой могилой все гундел и гундел. Анжелике было скучно и холодно. Маленькое черное платье, купленное в Париже еще пару месяцев назад именно на такой вот скорбный случай, сидело на ней идеально, но совершенно не грело. На носки дизайнерских лодочек налипли комья рыжей глины. Наверное, туфли придется выбросить. Не отмывать же их от кладбищенской земли.

Анжелика поежилась, поправила темные очки. Солнцезащитные очки в дождь – это, конечно, несусветная глупость, но во всех фильмах, которые ей довелось посмотреть, скорбящие вдовы провожали своих почивших супругов именно в таком виде – элегантном и трогательном одновременно. Конечно, можно было бы обойтись без очков, выбрать шляпку с вуалеткой, но ни шляпки, ни вуалетки Анжелике категорически не шли, а выглядеть в глазах мужниной родни убогой побирушкой она не собиралась.

Она не убогая! И уж точно не побирушка! Особенно теперь, когда на девятом десятке, после целого года семейной жизни благоверный отдал наконец богу душу, оставив Анжелику весьма обеспеченной вдовой. Потерпеть осталось

совсем немного. Похороны, поминки, оглашение завещания, содержание которого Анжелика давно уже знала наизусть. А потом можно наконец улететь скорбеть на Мальдивы от этой беспросветной питерской хандры, от этой отвратительной погоды.

Анжелика вздохнула, грациозным, тщательно отрепетированным жестом поднесла батистовый платочек к сухим глазам. Вот и очки пригодились, не нужно выдавливать из себя слезу, хватит одного лишь платочка. И за стайей родственников из-за темных стекол наблюдать удобно. Слетелись все, точно воронье на падаль. Ждут, надеются. Вот братец Иванушка обнимает сестрицу Аленушку за костлявые плечи, шепчет на ушко что-то успокаивающее. Это со стороны кажется, что успокаивающее, но Анжелика-то знает правду. Эти двое – самые главные ее соперники и враги. Родные внуки почившего благоверного. Братец Иванушка, старый сорокалетний хрыч, ее, тридцатилетнюю Анжелику, порывался назвать бабушкой. Это еще до того, как пытался ее облапать, получил за это по роже и возненавидел еще сильнее, чем в первые минуты знакомства. Но с того раза лапать и обзывать перестал, усвоил урок. Особенно после того, как Анжелика пригрозила пожаловаться мужу и деду соответственно. Перед дедом и братец Иванушка, и сестрица Аленушка лебезили, потому что финансово полностью от него зависели и без регулярных дотаций стали бы теми, кем были на самом деле – никчемными заурядностями. Конечно, Анжелика могла бы сделать так, чтобы в заурядностей родственнички превратились очень быстро. Ночная кукушка и все такое... Но не стала, пожалела внуков. А вот они бы не пожалели. Вон как зыркает на нее сестрица Аленушка. Даже шум дождя, даже бормотание попа не могут заглушить скрежет ее зубов. Ненавидит и боится. И правильно делает, что боится. Потому что теперь все их с Иванушкой будущее зависит от Анжелики и ее подачек. Разумеется, благоверный оставил кое-что на жизнь и внукам, чтобы совсем уж не пропали, но по сравнению с тем, что наследовала Анжелика, – это сущие крохи!

От мыслей о Мальдивах и предстоящих приятных хлопотах Анжелика согрелась и даже едва не улыбнулась, что было бы совсем уж некстати, принимая во внимание маячащих по периметру папарацци. Этим только дай повод, снимут в таком ракурсе и с такой рожей, что потом сама себя не узнаешь. Так что надо потерпеть. Уже скоро...

Потерпела. Дотерпела аж до самого поминального ужина, строгого и пафосного одновременно, в лучших традициях высшего света. Теперь, после года замужней

жизни, о традициях высшего света Анжелика знала если не все, то многое. Старалась, училась, присматривалась, чтобы никто, ни одна гадина не посмела сказать что-нибудь презрительное про «из грязи в князи». Это еще нужно разобраться, кто тут грязь, а кто князь. Почивший благоверный князем точно не был, а был старым похотливым козлом с ослабленной потенцией и затейливыми фантазиями. Из породы тех, кто и сам не гам, и другому не дам. Даже в брачном контракте особо выделил пункт о супружеской неверности. Анжеликиной неверности, разумеется.

На поминках «внучки» сидели с кислыми рожками – то ли скорбели по деду, то ли подсчитывали понесенные убытки. Анжелика поставила бы на второе. Старого козла никто не любил, даже внуки. Но денежки его любили. Денежки – это святое. Вот только Анжелика свои денежки отработала сполна, а этим двоим все валилось с неба, потому что повезло родиться с серебряными ложечками в зубах. Ну ничего, ложечки она поотбирает, церемониться не станет.

И только поздно вечером, оказавшись у себя в комнате, Анжелика расслабилась, откупорила бутылку шампанского, чокнулась со своим отражением в зеркале.

– Ну, подруга, будем! – сказала и подмигнула. – Мы с тобой это заслужили. Завтра у нас с тобой начнется совсем другая жизнь!

А завтра грянул гром. Беда пришла, откуда не ждали. Беда прикинулась плюгавым мужичком в дешевом костюме и нелепом бирюзовом галстуке. Мужичок сидел за переговорным столом между братцем Иванушкой и сестрицей Аленушкой, точно почетный гость. От такого соседства он не испытывал никакого неудобства и портфель свой обшарпанный поставил прямо на до блеска отполированную столешницу. У Анжелики даже руки зачесались сбросить портфель на пол, а мужичка выставить за дверь. И между лопатками зазудело, аж до боли. А это не к добру. Дурная примета еще с детства, когда батя приходил домой вдрызг пьяный и искал, на ком бы сорвать злость. Чаще всего удар принимала на себя мамка, но бывало, что и Анжелике, тогда еще Анжелке, доставалось. Это уже потом, когда мамка сначала тяжело заболела, а потом и вовсе умерла, Анжелика научилась чувствовать опасность шкурой. Той самой, что между лопаток. Из дому уходила еще до того, как пьяный батя переступал порог. И уворачиваться от ударов тоже научилась, а потом и отбиваться. Но это была уже совсем другая история, которую ей хотелось забыть и никогда больше не вспоминать. Теперь у нее были иные, куда более важные проблемы. Теперь она, как загипнотизированная, смотрела то на обшарпанный

портфель, то на мужичка – вестника погибели.

Завещание огласили быстро. Ничего удивительного и неожиданного в нем не было, Анжелика давно выучила его наизусть. И вот бы всем встать, пожать друг другу руки и разойтись наконец. Но нет. Встал только плюгавый мужичок, откашлялся, открыл свой портфель. Он рылся в нем нарочито медленно, а Анжеликина шкура зудела все сильнее и сильнее.

– В завещании усопшего есть пунктик. – Даже голос у него был неприятный, такой же, как и он сам. – О супружеской неверности...

Шкура между лопаток больше не чесалась – она горела огнем. Этого не может быть! Это и случилось-то всего однажды. И не в России, где кругом враги и завистники, а в Риме, куда Анжелика полетела совсем одна, практически инкогнито. Тот итальянец был хорош. Так хорош и так обходителен, что не устоять. Особенно когда ты в Риме, особенно когда ты молода, богата и немного пьяна. Всего один чертов раз! В гостиничном номере, с наглухо задернутыми портьерами! Тогда откуда?..

– Вот, прошу убедиться. – На стол легла внушительная стопка фотографий. – Если желаете ознакомиться поближе, мои клиенты возражать не станут.

– Мы не станем! – Сестрица Аленушка улыбалась гадючьей улыбкой, а братец Иванушка, похотливо облизнувшись, потянулся к фоткам. – Напротив, мы даже настаиваем! Потому что вопрос принципиальный. Наш бедный покойный дедушка предвидел вероломство этой женщины, – она брезгливо поморщилась. – Он был очень мудрым человеком. Мудрым и предусмотрительным! – На онемевшую Анжелику она посмотрела в упор, процедила сквозь сцепленные зубы: – У тебя час на сборы. И не вздумай прихватить хоть что-нибудь из нашего дома. Ты больше никто, и звать тебя никак. И кстати, на тот случай, если вдруг решишь судиться, у нас есть не только фото, но и видео. Любая экспертиза подтвердит, что вот это... – она постучала когтем по фотографии, – что вот эта падшая женщина – ты!

Про вариант с судом Анжелика потом очень хорошо обдумала, даже проконсультировалась с модным адвокатом, но оказалось, что доказательства ее супружеской неверности неопровержимы, а шансы урвать у «внучков» хоть что-нибудь минимальны. Оказалось, что целый год ее жизни прожит зазря, что

одна-единственная оплошность стоила ей всего, и поделаться с этим ничего нельзя.

Конечно, Анжелика не ушла в закат с голым задом, как надеялась сестрица Аленушка. Все-таки она была предусмотрительной девушкой и успела кое-что отложить на черный день. Было еще колечко с бриллиантом, изумрудное кольцо, норковая шуба и прочее дамское барахло, но этого было мало, ничтожно мало для той жизни, которую Анжелика для себя придумала и распланировала. Для нормальной, человеческой жизни! А теперь все придется начинать с нуля!

И злилась она не на плюгавого мужичка в идиотском галстуке, не на пронырливых и ушлых «внучков», а в первую очередь на саму себя. Как можно было оказаться такой недалёковидной дурой! Ну ничего! Если жизнь ее чему-то и научила, так это тому, что человек – сам хозяин своей судьбы. Надо только немного поднапрячься и, возможно, сменить приоритеты. Хватит с нее богатых стариков!

* * *

– Позор... Такой позор, Олька, что хоть сразу в петлю... – Марфины руки дрожали так, что сначала никак не получалось донести сигарету до рта, а потом зажечь спичку. Они с подружкой Олькой сидели на скамейке в скверике, недалеко от Марфиной работы. Бывшей работы...

– Не вздумай! – Олька отобрала и спички, и сигарету, прикурила сама, протянула Марфе. – Даже не смей о такой ерунде помышлять! Ишь, что выдумала – удавится она!

– Так ведь позор... Она ж меня с волчьим билетом, Олька... Она ж сказала, что на весь город меня ославит, что я грязная воровка, и никто меня теперь на работу не возьмет... – Марфа не выдержала, разревелась некрасиво, по-бабьи, громко всхлипывая и размазывая по лицу потекшую тушь.

Она и была бабой! Дурной, одинокой бабой, влюбчивой, а оттого глупой и доверчивой без меры. И всегда находились те, кто доверчивостью этой пользовался без зазрения совести, словно так и нужно. Вот как Мишка.

Мишка, Мишенька, Мишаня! Ах, какой они были красивой парой – Марфа и Мишаня! Весь подъезд им завидовал, жизни их удивительной, любви неземной! А оно вот что вышло из-за этой неземной любви...

– Брось реветь! – Оляка тоже закурила, затянулась глубоко, по-мужски. – Радуйся лучше, что просто уволили, что без прокуратуры обошлось.

– За кусок масла прокуратура?.. – Марфа даже плакать перестала, так поразили ее подружкины слова. – Я ж никогда в жизни... И раньше, и сейчас бы никогда... Ты же знаешь про мои обстоятельства! Сама-то начальница фурами ворует, и ничего, уважаемая дама, в депутаты метит. – Она поперхнулась горьким, как ее доля, дымом, громко заикала. – А меня, значит, за кусок масла в тюрьму?!

– Так нет же тюрьмы! – Оляка ласково и успокаивающе погладила ее по спине. – Не плачь, Марфа. Все забудется, все утрясется...

– Весь город судачит о том, какая Марфа Звонарева воровка. – Успокоиться никак не получалось. Душил и табачный дым, и обида.

– Подумаешь, город судачит! Сегодня он про тебя судачит, а завтра, глядишь, грохнут кого или авария какая... – Оляка размашисто перекрестилась, – и забудут про тебя все.

– А работа? – Марфа достала из кармана носовой платок, громко высморкалась. – Где я работу теперь найду с волчьим билетом?!

Вот это был единственный вопрос, над которым стоило рыдать. В их крошечном городке найти хоть какую-нибудь работу – это уже радость. А чтобы хорошую, в тепле, в уюте, – так и вовсе невиданное везение.

– Я с Гришкой своим поговорю, он тебя вахтершей пристроит в общагу. Зарплата там, правда, три копейки, но зато спокойно, – продолжала увещевать Оляка.

Да вот только не хотела Марфа в общагу вахтершей за три копейки, она хотела на кухню поварихой. Потому что поварихой она была от бога! О том и предатель Мишаня не уставал повторять, когда ее щи наворачивал. И бывший муж, который уже десять лет как чужой муж и чужой папка. А Марфа вот все одна и

одна.

Была. Пока не повстречала Мишаню. Тогда, помнится, она в свое бабье счастье даже не сразу поверила, потому что мужчиной Мишаня был видным и обходительным. Цветы дарил, конфеты. В ресторан однажды сводил. В ресторане, правда, Марфе не понравилось. Стряпня такая, что просто стыд. Она тогда так и сказала, про стряпню. Сказала, что котлету по-киевски готовить нужно совсем не так.

- А как? - спросил ее Мишаня и придвинулся поближе.

И Марфа начала рассказывать как!

- Так ты приготовь, Марфуша, - попросил Мишаня, и руку с одним-единственным от мамки оставшимся серебряным перстеньком поцеловал, и в глаза заглянул. А Марфе показалось, что в самую душу. - Вот давай прямо сейчас пойдём к тебе, и ты мне приготовишь эту котлету по всем правилам.

И пошли! И котлет она ему нажарила! Не сразу, правда, а уже потом, после того, как краснея и смущаясь, точно девчонка, застелила впопыхах разложенный, до ужаса скрипучий диван. В тот день Мишаня остался у нее ночевать. В тот, и в следующий, и потом. Пришел с чемоданчиком, поставил у порога, улыбнулся светло и радостно, сказал:

- Эх, Марфуша, не могу я без тебя и без твоих котлет!

Это было как признание в любви. Даже больше! Это было как предложение руки и сердца, только не озвученное, но само собой разумеющееся.

Так они и стали жить-поживать да добра наживать! Точнее, наживала добро все больше Марфа, крутилась на работе как белка в колесе, а потом по ночам и выходным пекла торты на заказ. Торты у нее получались ничуть не хуже, чем котлеты по-киевски. Их Мишаня тоже очень уважал. Потому Марфа торты всегда пекла в двойном экземпляре: побольше - на продажу, а поменьше - любимому Мишеньке. Он ведь мужик, ему для сил и жизненного тонуса нужно совсем мало: чтобы в доме было тепло, сытно, чтобы баба была ласковая и сдобная. Вот Марфа и старалась. А от осторожных Олькиных расспросов о том, где Мишаня работает и кем, только отмахивалась. Где-то да работает, утром уходит, вечером

возвращается. А когда ночная смена, так и утром может прийти. А что денег в семейную копилку не вносит, живет на всем готовом, на Марфином, так в том нет ничего удивительного, потому что они копят на квартиру, чтобы переехать из Марфиной старой однушки в двушку в новостройке. Так что все по-честному: на Марфины деньги они живут, а Мишанины откладывают.

И ведь Олька еще тогда пыталась ее вразумить, намекнуть, что ничего честного в этом нет, что надо бы Мишаню расспросить и про работу, и про квартиру, которую он якобы собирается купить. А Марфа тогда страшно обиделась на это «якобы». Что значит «якобы», когда все у них с Мишенькой наверняка и по-настоящему! Тот раз они с Олькой поругались впервые за всю многолетнюю дружбу, целую неделю не разговаривали.

Помирило их горе. Мишани дома не было целых двое суток. Марфа уже собиралась бежать в полицию, подавать в розыск, когда он постучался в дверь. Не постучался даже, а поскребся. Марфа дверь открыла и обомлела: на Мишаню было страшно смотреть: одежда грязная, лицо в крови и синяк под глазом.

– Марфуша... – не сказал, а простонал и упал в коридоре почти без чувств.

До дивана она его кое-как дотащила, уложила, раздела, кровь вытерла, раны обработала.

– Что случилось, Мишенька? – спросила дрожащим шепотом.

Он долго не хотел рассказывать, отворачивался к стене, вздрагивал спиной, как от сдерживаемых рыданий, но Марфа была настойчива, уговорами и ласками узнала все, о чем он молчал.

На Мишаниной работе случилась недостача, пропала очень большая сумма. Долг повесили на Мишаню, потому что он самый честный и самый беззащитный. И платить нужно, потому что очень серьезные люди, такие серьезные, что лучше бы Марфе даже их имен не знать, предупредили, что у Мишани теперь только два варианта: выплатить долг или все... амба.

Это страшное слово «амба» он сказал таким обреченным голосом, что у Марфы аж дыханье сперло.

- И что теперь делать, Мишенька? - спросила она все так же шепотом.

- Ничего... Я не знаю, Марфуша! - Он посмотрел на нее с отчаянием покрасневшими от невыплаканных слез глазами. - Я им все отдал, все, что у меня было. Все деньги, что на нашу с тобой квартиру собирал. Только им все мало... Они так и сказали, что мало, и сроку мне дали неделю, чтобы необходимую сумму собрал.

- Большая сумма, Мишенька?

- Очень. - Его губы дрожали, когда он называл цифру.

А сумма оказалась и в самом деле очень большая, практически неподъемная. Если только... Марфа крепко задумалась, а потом решилась.

- Квартиру продадим! - сказала твердо. - Поживем пока на съемной, а там оно как-нибудь решится...

- Марфуша, ты не понимаешь... - попытался возразить Мишаня, но она не дала, воинственно взмахнула рукой.

- А что?! Мы с тобой люди молодые, с руками, ногами, головами! Мы себе еще этих квартир сто штук построим, а те гады пускай подавятся! И в банке у меня кое-что имеется на черный день. Там, правда, немного, но теперь уж не до жиру. Колечко вот, - она покрутила на пальце перстенок, мамкин подарок, - заложу. Продавать его не хочу, Мишенька, - сказала виновато.

- Я его выкуплю. - Мишаня крепко обнял ее за плечи, прижал к себе, поцеловал. И сразу стало понятно, что поступает Марфа правильно, что не о чем жалеть, когда рядом такой мужчина.

Квартиру они продали очень быстро, и деньги со счета сняли, и перстенок заложили. Всего этого только-только хватило, чтобы вернуть ту злосчастную недостачу. Но ведь хватило же!

На встречу с бандитами Марфа собирала Мишаню со слезами, все порывалась сама с ним пойти, чтобы защитить.

– Нет, Марфуша. – Мишаня был тверд и собран. – Не нужно тебе туда, не женское это дело. Да ты не бойся, – он снова ее поцеловал. Крепко поцеловал, страстно. – Через два часа я вернусь, и заживем мы с тобой так, что все нам завидовать будут. Я уже и работу новую нашел, приличную. А с первой же полочки перстенок твой из ломбарда заберем, я тебе к нему еще и сережки куплю.

– Да не нужны мне сережки... – Марфа растерянно потрогала свои непроколотые уши. – Ты только вернись, пожалуйста...

– Через два часа, – сказал Мишаня и помахал рукой.

Вот только не вернулся он ни через два часа, ни через три, ни через десять. И телефон его молчал. Абонент недоступен...

Полночи Марфа провела в полицейском участке вместе с тут же примчавшейся на зов Олькой, пыталась убедить полицейских, что Мишаня в страшной опасности и его срочно нужно спасать. Вот только спасти любимого никто не спешил. Оказалось, что Марфа Мишане никто – ни жена, ни мать, а так... сожительница. Оказалось, что рано его объявлять в розыск, потому что взрослый и самостоятельный, мог запросто где-нибудь загулять. Например, с любовницей. Молодой лейтенантик так и сказал – с любовницей – и на зареванную Марфу глянул со снисходительной жалостью.

– Идите домой, гражданочка, успокойтесь, попейте валерьяночки. Глядишь, и явится ваш Мишенька.

– А если не явится? – спросила Марфа шепотом.

– Вот когда не явится, тогда и станем разбираться. Идите уже, идите!

И она пошла, побрела вслед за Олькой, ничего перед собой не видя, ничего не чувствуя, не выпуская из рук телефон, беспрестанно набирая уже наизусть выученный номер. Оля привела ее к себе, напоила сначала валерьянкой, потом водкой, пообещала подключить мужа Гришку, чтобы разузнал там по своим каналам. Хоть что-нибудь.

Гришка разузнал. Даром что работал простым автомехаником, но связи имел обширные, даже в полиции. Гришке, в отличие от Марфы, сделали исключение. Для начала навели справки о Мишеньке, о его прошлом. Вот только оказалось, что нет такого человека Михаила Корецкого. То есть мужчины такие есть, да только ни один из них под Марфино описание не подходит. Марфа слушала Гришкин отчет и протестующе мотала головой.

- Нет, они ошиблись! Мишенька в беде, а они ищут кого-то другого!

- А кого искать? - спросил Гришка, усаживаясь напротив и хмуро посматривая то на Ольку, то на Марфу. - Ну давай, расскажи мне, что ты про него знаешь! Адрес, родители, друзья, работа... Хоть что-нибудь расскажи!

И вот тут оказалось, что ничего-то Марфа о своем Мишане не знает. Совсем ничего...

- То-то и оно, - сказал Гришка уже мягче и на Марфу посмотрел с жалостью. - Телефон надо пробить. Да только я тебе зуб даю, что зарегистрирован номер будет на какую-нибудь бабульку из Задрипенска, которая твоего Мишаню и в глаза не видела. Пробивать?

- Пробивай. - Сердце, глупое бабье сердце еще на что-то надеялось.

Через несколько дней надежда развеялась как дым, когда все Гришкины предположения подтвердились. Телефон был зарегистрирован не на бабу, а на деду, такого старенького, что и собственное имя он уже вспоминал с трудом.

- И что же это?.. Как же?.. - Марфа понюхала склянку с опостылевшей за все эти дни валерьянкой, поморщилась, выпила. - Где же тогда мой Мишаня?

- Неправильно ты вопрос формулируешь. - Себе Гришка налил водки, плеснул щедро, от души. - Где твой Мишаня, конечно, интересно, но гораздо интереснее, кто он такой на самом деле и как ты так лопухнулась...

А она ведь и в самом деле лопухнулась, вот только поняла это не сразу, а когда немного утихла боль и обида. Не было никакой любви, никакого Мишани, а был мошенник и аферист. Был да сплыл, оставил Марфу с разбитым сердцем у

разбитого корыта. А еще без квартиры и без копейки денег, с непогашенным кредитом, взятым под огромные проценты. Вот так...

Какое-то время Марфа пожила у Ольки с Гришкой. Но разве ж можно так утруждать хороших людей! Нельзя, поэтому, когда Гришка, немного смущаясь, предложил выбить для нее комнату в общежитии, Марфа с благодарностью согласилась. В общежитии хотя бы никто не видел ее слез, не утешал, не отпаивал валерьянкой. Она сама. Как-нибудь сама, с чистого листа.

Вот только жить с чистого листа оказалось тяжело, почти невозможно. Денег после выплаты кредита едва хватало на оплату общежития, на еду не оставалось практически ничего. Ела теперь Марфа на работе. Украдкой, когда никто не видел, как низко она пала, до чего дошла. И печь торты на заказ на общежитийской кухне никак не получалось, не было там ни хорошей плиты, ни посуды, ни условий. Она бы продержалась, как-нибудь протянула бы годик до окончательной выплаты кредита, если бы не поддавалась соблазну.

А соблазн был велик. Пачка масла весом в двести пятьдесят граммов. Масло можно было намазать на черный хлеб, щедро посыпать солью и съесть перед сном. Теперь перед сном Марфе все время хотелось есть, и поделаться с этим она ничего не могла. Раньше проблемы она заедала конфетами, но сейчас и хлеб с маслом казался ей деликатесом. Ольга часто звала ее к себе на чашечку кофе, но Марфа стеснялась, справлялась пока своими силами. Вот только силы подходили к концу. Вместе с силой воли...

Она не удержалась, взяла ту злосчастную пачку масла, дрожащими руками сунула в сумку, чувствуя себя при том воровкой и негодяйкой. У них на работе воровали все, начиная с заведующей и заканчивая посудомойкой, а Марфа не могла. Вот такой честной дурой ее воспитали. Но, оказывается, голод не тетка. И Марфа решилась на воровство. Решилась, а на выходе из столовой ее уже ждали заведующая с главбухом...

Какой же это был позор! Никогда в жизни Марфе не доводилось испытывать такого стыда. Ну и что, что воруют все и все об этом знают! Попалась-то именно она...

Как она просила, как унижалась перед этими двумя, разве что на колени не падала, умоляя простить, оставить на работе! Вот только не помогло. Ни слезы,

ни безупречная репутация, ни три почетных грамоты. Марфу не просто уволили, а с волчьим билетом. И осталась она теперь опозоренной на весь город, без средств к существованию.

Обратно к себе в общагу Марфа вернулась только вечером, поддавшись-таки на Олькины уговоры выпить кофейку и поужинать. Хоть и не хотелось ей больше ужинать, но кто его знает, когда доведется следующий раз. Хорошо, если Гришка сумеет договориться насчет работы вахтером. Лучше уж такая работа, чем никакая! Но если не получится... Если не получится, тогда в самом деле хоть в петлю...

А в холле общаги ее ждали. Представительный мужчина с портфелем и в нарядном голубом галстуке сидел на самом краешке засаленного дивана, с заинтересованным видом разглядывал трещины на давно не крашенной стене, но стоило лишь Марфе переступить порог, как он тут же поднялся на ноги, шагнул ей навстречу под пристальным взглядом пристроившейся на вахте кастелянши.

– Марфа Ильинична Звонарева? – спросил он официальным тоном, от которого у Марфы оборвалось все внутри. Что еще? В чем еще она провинилась? Какой грех утаила от общественности?

Вместо ответа она лишь молча кивнула и, не замедляя шага, прошла к лестнице. Мужчина решительно проследовал за ней, нагнал на лестничном пролете, сказал уже ласковее, почти по-свойски:

– Наконец-то я вас дождался!

– Зачем? – спросила она, не отрывая взгляда от замызганных ступеней.

– Чтобы предложить вам работу. Вам ведь нужна работа?

– Нужна. – Вот только в чудо все никак не верилось. После предателя Мишани верить в чудеса Марфа разучилась.

– Вот и замечательно! – Мужчина сунул портфель под мышку, нетерпеливо потер ладони. – Вам нужна работа, а моему клиенту нужен специалист вашей

квалификации.

– Да какая ж у меня квалификация? – От неожиданности Марфа даже остановилась. – Я же повариха. Стряпуха я!

– А хорошие стряпухи нынче в большом дефиците. Особенно в крупных городах. Вы ведь согласитесь сменить место работы и проживания, если вас устроят условия моего клиента? – Смешным, каким-то неестественным жестом он хлопнул себя по лбу. – Условия! Я же не сказал вам главного! Вот прошу, Марфа Ильинична, ознакомьтесь. – И сунул ей в руки ворох каких-то бумаг. – Это выгодные условия, уверяю вас! Мой клиент крайне ответственно относится к подбору кадров. Да вы читайте-читайте!

Марфа, словно загипнотизированная, отступила под свет тусклой лампы, принялась читать. Она прочла договор один раз, потом другой. Не поверила собственным глазам и на всякий случай ткнула пальцем в указанную в нем цифру.

– Вот здесь, наверное, не там стоит запятая, – сказала испуганным шепотом.

– Позвольте! – Мужчина заглянул ей через плечо, покачал головой. – Нет, все совершенно верно.

– Но это же... – Слов у Марфы не нашлось, потому что та сумма, что была прописана в договоре, могла решить если не все, то самые главные ее проблемы.

– Это только аванс. Так вы согласны? – Мужчина улыбался и искушал, точно змей из эдемского сада. Вот только Марфа теперь стреляный воробей, больше ее на мякине не проведешь!

– Мне нужно подумать! – сказала она твердо, хотя единственным ее желанием было подписать все бумаги, которые даст ей этот странный человек. – Проконсультироваться с юристом. – Знакомых юристов у нее не было, но Гришка, наверное, найдет, если попросить.

– Я вас понимаю, Марфа Ильинична. – Мужчина покивал, соглашаясь с ее благоразумностью. – В наше время никому нельзя доверять. Разумеется, вы можете проконсультироваться с юристом. Я останусь в вашем гостеприимном городе до завтра. Буду ждать вас, скажем, в восемнадцать часов в холле. Вас устроит такой вариант?

Конечно, ее устроит! Ее устроила бы даже десятая часть от того, что было прописано в договоре. Да что там десятая – двадцатая! Но Мишаня научил ее не доверять людям...

Юрист, к которому отвел ее Гришка, изучал договор очень внимательно.

– Все чисто! – сказал он наконец и посмотрел на Марфу с огромным интересом.

– И сумма? – на всякий случай уточнила она.

– И сумма аванса, – он кивнул, а потом сказал доверительным шепотом: – Мне кажется, вас нанимает на службу Билл Гейтс или еще кто покруче, потому что ничем другим я не могу это объяснить...

Но Марфа его уже не слушала, Марфа плакала, роняя на полированную столешницу крупные слезы.

– Не реви, – сказал Гришка и как-то смущенно погладил ее по спине. – Вот и пришел и на твою улицу праздник...

* * *

В операционной было невыносимо жарко. Жарко и душно! Никита промок, кажется, насквозь. Операционная медсестра то и дело протирала его лоб стерильным тампоном, но помогало это ненадолго. Господи, двадцать первый век на дворе, в космос слетали, искусственный интеллект изобрели, а оснастить оперблок районной больницы кондиционером никак нельзя! Потому что обслуживание, потому что расходники и требования асептики с антисептикой. Проще вот так, по старинке, когда даже он, крепкий мужик, спустя три часа операции едва держится на ногах. А что говорить о медсестрах!

О жаре Никита старался не думать, думать нужно было вот об этой пятнадцатилетней девочке, единственной дочери мэра, в чьей брюшной полости они с бригадой сейчас копошатся, ищут разрывы, кровоточащие сосуды, штопают и зашивают, разве что по кусочкам не собирают.

Политравма. Девочка упала с пятиэтажки. Сама или помогли, пока непонятно. Да и не его это дело. Главное, что пока жива, что дотянули ее до прилета санавиации, до их с бригадой прилета. Сейчас главное – остановить кровотечение, ушить, все, что нужно, стабилизировать, а уже потом все по протоколам. Травматологам тут тоже хватит работы, но сначала сосуды и внутренние органы.

По лбу поползла капля пота, сестра стерла ее уже доведенным до автоматизма движением, глянула на Никиту поверх повязки – вы как, док?

Он хорошо. Гораздо лучше этой несчастной девочки. А жара – это такая ерунда по сравнению с человеческой жизнью. Только бы выжила, потому что на разговор с родителями, которые сейчас наверняка беспомощно мечутся по больничному холлу, сил у него не останется. Никто не хочет быть вестником смерти, нельзя к этому привыкнуть никогда. Никите, можно сказать, везло, таким вестником он становился лишь шесть раз, но каждый разговор, каждое сказанное и им, и ему слово запомнил на всю жизнь. Может быть, именно поэтому боролся за своих пациентов с такой отчаянной яростью, хватал за загривок и жестко, а временами даже грубо удерживал над бездной, не позволял упасть. Удерживал, вытаскивал, спасал, а потом забывал. Диагнозы помнил, ход операции помнил поминутно, а самих пациентов – нет. И когда на улице к нему бросались на шею незнакомые люди или совали в руки подарки, дорожные вискари, деньги, он сначала терялся, впадал в ступор, а потом начинал злиться. Чужая благодарность – это такое тяжелое бремя, это ответственность за того, кто благодарит, какие-то непонятные обязательства. Никита такое не любил. Не любил и всеми силами старался избегать. Поэтому и у коллег, и у пациентов считался хирургом от бога, но со странностями.

А девочку они спасут! Считай, уже спасли! Реанимация, реабилитация – вот что ее теперь ждет. И путь этот нельзя назвать легким, но жить она будет и не станет седьмой в его списке...

– Доктор, ну что?! – В коридоре к Никите бросились сразу трое: главврач районной больницы и, наверное, родители. Отец расхристаный, взмокший,

несмотря на жару, одетый в строгий костюм. Мать в домашнем халатике, со следами наспех стертой фруктовой маски на заплаканном, смертельно бледном лице. Все они смотрели на Никиту такими глазами, что он в который уже раз порадовался, что девочка не станет седьмой.

– Операция прошла успешно, – сказал коротко, а потом, увидев, как замерла, затаив дыхание, мать, крепко сжал ее загорелый локоть, продолжил уже другим, человеческим тоном: – Ваша девочка будет жить.

Наверное, он сказал самое главное, именно то, что эти двое хотели услышать, потому что женщина сразу же обмякла, задышала часто, по-собачьи. Но тут подоспел главврач, сунулся с бутылкой холодной минералки. Явно холодной, с запотевшими боками. Теперь уже часто задышал Никита, на бутылку посмотрел с вожделением.

– Спасибо! – Мужик в костюме уже тряс Никитову руку, левый глаз его нервно дергался. – Я же правильно понял, с Милочкой все будет хорошо?

– Милочка будет жить и, скорее всего, со временем полностью оправится.

– Слышите?! Слышите, Максим Дмитриевич! – Одной рукой главврач продолжал поддерживать мать, а второй успокаивающе хлопал отца по плечу. – Я же вам говорил! Я же говорил, что у Никиты Андреевича золотые руки, что он лучший в области!

– Я хочу ее видеть... – Женщина снова рвалась к Никите. – Доктор, можем мы ее увидеть?

– Не сейчас.

– Я потом провожу вас в реанимацию, – пообещал главврач.

– Спасибо, – снова повторил мужчина в костюме. – Я мэр... мэр этого города. Милочка – моя дочь.

– Очень приятно. – Ему не было приятно, ему хотелось ледяной минералки и на волю.

– Я могу как-то отблагодарить? Сделать хоть что-нибудь?

Обычно на такие вопросы Никита отвечал – нет, но сейчас задумался.

– Можете, – сказал и снова глянул на бутылку с минералкой. – Купите больнице кондиционеры. В операционной – настоящая сауна.

Все-таки он не выдержал, отобрал у главврача бутылку. Вода была такой холодной, что аж сводило зубы. Хорошо! Просто замечательно!

– Сколько? – спросил мэр. – Сколько нужно кондиционеров?

– А я вам все подсчитаю! Я вам потом заявку напишу, Максим Дмитриевич! – Главврач бросил на Никиту полный искренней благодарности взгляд. Вот и еще одного осчастливил. Какой удачный день. – Нам ведь не только в операционной, у нас и в отделении интенсивной терапии с этим делом беда...

Он еще что-то говорил, но Никита его не слышал. То отхлебывая из запотевшей бутылки, то прикладывая ее ко лбу, он брел по гулкому коридору в сторону выхода.

На улице было так же жарко, как и внутри, но здесь хотя бы дул ветерок. Никита уселся на скамейку под старой яблоней, посмотрел на пыльно-голубое небо сквозь кружево листвы. Все-таки жизнь – классная штука! Особенно вот в такие моменты, когда не пополнился страшный счет, когда отыграл у Костлявой еще одну жизнь. Он мог бы просидеть так еще очень долго, если бы не деликатное покашливание. Пришлось вернуться с неба на грешную землю, взглянуть на стоящего прямо перед скамейкой мужчину. Он, как и мэр, был одет в деловой костюм, вот только дешевый и вышедший из моды. В одной руке он держал обшарпанный портфель, а второй поправлял узел фисташкового цвета галстука.

– Чем могу помочь? – спросил Никита. К нему часто обращались люди. Иногда сами пациенты, иногда их родственники. К этому он давно привык.

– Можете! – радостно закивал мужчина. – Очень даже можете, Никита Андреевич! Позвольте представиться, – он протянул Никите ладонь для рукопожатия, – Никопольский Яков Исаакович, адвокат!

- У вас какие-то проблемы? – Выглядел адвокат Никопольский хоть и потрепанным жизнью, но вполне здоровым. По крайней мере, на первый взгляд.
- Нет, что вы! – Адвокат сплюнул через левое плечо и для пущей надежности постучал по стволу яблони. – Я здесь потому, что у моего клиента есть к вам деловое предложение.
- Ваш клиент болен? – Никита вздохнул. Через личного адвоката к нему еще ни разу не обращались. Это что-то новенькое.
- Боже упаси! В полном здравии!
- Тогда я не понимаю. – Никита встал. Этот беспредметный разговор начал его утомлять. – Чем я могу помочь вам или вашему клиенту?
- Вы можете помочь человеку, в котором заинтересован мой клиент. – Тон адвоката Никопольского моментально изменился, сделался сухим и официальным.
- Он болен, этот ваш человек?
- Очень.
- Хорошо, в таком случае привозите его завтра в клинику. – Никита попытался обойти Никопольского, но не получилось.
- К сожалению, это совершенно невозможно. Пациент нетранспортабелен.
- Он сейчас в больнице?
- Не думаю. Я даже почти уверен, что нет.
- Вы отнимаете мое время. – Никита начал заводится. В любом деле нужна конкретика, а не вот такие загадки. К тому же о сути проблемы он уже начал догадываться. – Я не лечу огнестрелы на дому.

– Это не огнестрел, Никита Андреевич, речь совсем об иной патологии. Вы должны поехать со мной.

– У вас есть ровно одна минута, чтобы убедить меня.

– Мне понадобится всего пару секунд. – Из своего портфеля Никопольский достал тонкую пластиковую папку, протянул Никите. – Речь идет вот об этом человеке.

Содержимое папки Никита изучил быстро, аккуратно сложил ксерокопии документов и выписок, одним махом допил минералку.

– Так вы готовы поехать со мной? – спросил Никопольский, пряча папку обратно в портфель.

Никите так хотелось сказать «нет», что аж заломило в висках. Однажды он уже попытался помочь, и получилось не слишком хорошо. Отвратительно получилось. До сих пор тошно вспоминать.

– Это ваш шанс, доктор. – Никопольский был значительно ниже его ростом, но у него каким-то странным образом получалось смотреть Никите прямо в глаза. – Мы едем?

– Едем. – Пустую бутылку из-под минералки он смял, зашвырнул в урну. – Мне только нужно переодеться.

– Жду вас в машине. – Никопольский кивнул в сторону припаркованного у приемного покоя представительского «Мерседеса». – Вы приняли правильное решение.

– Очень в этом сомневаюсь, – проворчал Никита в спину удаляющемуся адвокату.

* * *

Это было уютное кладбище. Если слово «уютное» вообще подходит к кладбищу. Семен Михайлович знал, что Валюша одобрила бы его выбор. Если бы у нее была

такая возможность, если бы она не ушла от него чуть меньше года назад. Но Валюша ушла, сгорела так стремительно и так неотвратимо, что даже Семен Михайлович, человек, умеющий решать любые проблемы, не сумел ничего поделать.

А он старался! Видит бог, как он старался! Как метался по врачам и клиникам в поисках панацеи для Валюши. Вот только не нашлось панацеи. Увы... Единственное, что он смог сделать для любимой жены, это найти вот это чудесное место. Светлое, тихое, на холме, с которого видны и небо, и извилистая пойма реки, и заливные луга. И нет вокруг пафосных гранитных надгробий и мраморных саркофагов, как это нынче принято в городах. Вокруг аккуратные могилки в кружевных оградах, украшенные живыми цветами, а не мертвым пластиком, с деревянными лавочками, чтобы можно было вот так, как Семен Михайлович, посидеть, поговорить. Это такое удивительное место, где истерзанной душе кажется, что на ее мольбы отвечают и те, кого с нами больше нет, все слышат, все понимают.

– Я сделаю все, что смогу, Валюша. – Семен Михайлович растерянно повертел в руках букет полевых цветов, аккуратно пристроил его на могиле рядом с крестом. – Мне теперь больше нечего терять, ты же знаешь.

От реки подул легкий ветерок, ласково взъерошил редкие волосы Семена Михайловича, словно любимая Валюша погладила. Вот так она его и гладила раньше, когда хотела отговорить от очередной авантюры. Валюша всегда считала его авантюристом и втайне этим гордилась. У всех жен мужья как мужья, а ее Сема такое может придумать, такое сотворить! Вот она была беременна Антошкой, и так ей захотелось свежего щавеля, что хоть плачь. А на дворе зима! Ананасы есть, мандарины есть, кокосы можно отыскать, даже консервированный щавель у бабулек на рынке купить, а свежий – это ж как подснежники в декабре! А Сема нашел! Ушел из дома на два часа, а вернулся с полным пакетом щавеля – ярко-зеленого, сочного, словно только что с грядки! Семена Михайловича всегда умиляла эта ее способность радоваться таким простым вещам. Он бы, наверное, смог ей луну с неба достать, а она попросила щавель. Еще и смущалась из-за этой своей глупой прихоти, отговаривала его идти в декабрьскую метель на поиски.

Вот так они жили. Хорошо жили, правильно, по-человечески! Только Семен Михайлович каждый день дарованного ему счастья боялся, что все это ненадолго, что он не достоин такой женщины и такой милости. Может, потому и

отняли, что принять не мог. Судьба – она та еще шутница. А может, и не судьба. Чем старше становился Семен Михайлович, тем отчетливее понимал, что все в его жизни не случайно. Совсем не случайно. И, потеряв самое дорогое, самое главное, можно больше ничего не бояться. Вообще ничего!

Семен Михайлович спускался с холма по узкой тропинке, едва заметной в луговой траве, когда навстречу ему выступил адвокат Никопольский. Был он собран и торжественен, к животу прижимал старый кожаный портфель.

– Вы приняли решение? – спросил он, любясь открывающимися с холма перспективами.

– Да. – Семен Михайлович кивнул. – Мне ведь все равно нечего терять, – повторил то, что всего несколько минут назад сказал своей мертвой Валюше.

– В таком случае вы должны подписать вот эти документы. – Никопольский достал бумаги, пристроил поверх своего портфеля, протянул Семену Михайловичу ручку...

– Куда мы едем?

В салоне «Мерседеса» царила прохлада, на сиденье рядом с Никитой лежала бутылка холодной минералки. Очень предусмотрительно, вот только пить ему больше не хочется. Сказать по правде, ему хочется распахнуть отделанную натуральной кожей дверцу и дать деру обратно, в пыльный зной провинциального городка, подальше от адвоката Никопольского и данного ему обещания. Вместо этого Никита откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. Он почти сутки провел без сна. Сначала ночное дежурство, потом экстренный вызов и несколько часов за операционным столом. А ехать часов пять. Почему бы не поспать?

Вот только сон как рукой сняло.

– На квартиру, – ответил Никопольский и уткнулся в свои бумажки.

В роскошном салоне крутого автомобиля он в своем дешевом костюме и нелепом галстуке выглядел странно, но Никиту не покидало ощущение, что

Никопольскому не привыкать к роскоши. Откуда взялось это ощущение, он не знал, да и не хотел анализировать. Главное, что он получил ответ на свой вопрос, и от этого на душе стало еще паршивее, а в голову полезли мысли, которые он старательно гнал от себя десять лет.

Все-таки он задремал, убаюканный усталостью и мягким ходом «Мерседеса», потому что очнулся от вкрадчивого голоса Никопольского:

– Вот мы и приехали.

Двор он узнал сразу. Уютный двор, засаженный каштанами и липами, с кустами сирени у подъездов. Раньше двери этих подъездов были всегда гостеприимно распахнуты, но те времена прошли. Они поднялись по выщербленным ступенькам, Никопольский порылся в своем портфеле, достал ключ. Тихо тренькнул домофон, впуская их в пахнущее борщом, кошками и чем-то приторно-сладким подъездное нутро.

– Пятый этаж, – напомнил Никопольский.

Можно подумать, Никита мог это забыть. Мог бы, но не получилось. Зачем себя обманывать? Между первым и вторым этажом тогда, десять лет назад, висели почтовые ящики. Они были старыми, кое-где поцарапанные, кое-где закопченные, некоторые вообще без дверок. На подоконнике между вторым и третьим этажом стояли горшки с чахлой геранью. Горшки все время забывали поливать, но герань все равно цвела ярко-бордовыми шарами. Никита даже почувствовал острый, металлический запах ее листьев, пусть бы на подоконнике давно уже не было цветов. А на четвертом этаже у разбитого и кое-как заклеенного скотчем окна раньше курил весь подъезд. Здесь стояла жестяная банка, и соседка Серафима Аскольдовна строго следила, чтобы курильщики не сорили, чтобы бросали бычки и стряхивали пепел исключительно в эту импровизированную пепельницу. То заклеенное скотчем окно, из которого зимой невыносимо сквозило, давно заменили на новое, которое наверняка почти сразу же перестало быть новым и покрылось шрамами и похабными надписями. Место жестяной пепельницы заняла глиняная с отколотым краем, заполненная бычками почти до самых краев. Наверное, Серафимы Аскольдовны больше нет, вот и некому следить за порядком.

Оставался самый последний, пятый этаж. Тогда, много лет назад, на лестничной площадке в самом углу, чтобы не мешать жильцам, стояла плошка с молоком. К этой плошке с чердака приходили едва ли не все дворовые коты. Никита помнил как минимум двоих. Приходили, пили-ели, а потом, благодарственно мяукнув, снова уходили по своим делам. А опустевшая плошка почти тут же опять наполнялась молоком. Никита замедлил шаг. Он никогда не был суеверным человеком, но вот сейчас вдруг загадал: если плошка с молоком окажется на прежнем месте, все еще можно будет исправить.

Плошка стояла. Вот только пустая, с побуревшими от грязи краями. Хорошо это или плохо? Можно ли считать пустую плошку знамением? Интуиция молчала, с ней у Никиты всегда были проблемы. Интуиция не подводила его только на работе. В обычной жизни бывало всякое.

Стучаться в обитую рыжим дерматином дверь Никопольский не стал, похозяйски вставил в замочную скважину ключ, повернул. Тихо щелкнул замок, заскрипели петли. И вдруг защемило сердце. Хоть ты не переступай порог! Но Никита себя заставил, собрал волю в кулак, сцепил зубы. Он ведь знал, что его здесь ждет, знал, кто ждет. Чего уж теперь?..

Квартира казалась ему маленькой еще десять лет назад, а теперь она выглядела и вовсе крошечной. Кукольный домик. Когда-то светлый и нарядный, с дешевыми, но яркими шторами на окнах, с такими же яркими абстрактными картинами, до того необычными, что Никита не всегда мог определить, где у них верх, а где низ. С солнечными зайчиками на до зеркального блеска надраенном дубовом паркете, с запахом свежесваренного кофе и сирени. Аромат сирени врвался в распахнутую балконную дверь, и от него слегка кружилась голова.

Она и сейчас закружилась, вот только от совсем другого запаха, кисло-сладкого, какого-то ладанно-пыльного. Заныло очнувшееся сердце, а желудок свело судорогой. Никита шагнул в грязный полумрак некогда солнечной и такой радостной квартиры, пробежал взглядом по стенам. Картин больше не было, на их месте виднелись темные прямоугольники невыгоревших обоев. На кухне что-то загремело, потом зашуршало, и под ноги им с Никопольским бросилась черная тощая кошка. Бросилась, заметалась с громким мяуканьем, но вместо того, чтобы выбежать в коридор, шмыгнула в спальню, затаилась. Никита тоже затаился, собрал волю в кулак, сделал глубокий вдох, как перед прыжком в ледяную прорубь.

Никопольскому моральная подготовка была не нужна, он смело шагнул вслед за кошкой, позвал из темноты:

– Никита Андреевич, ну где же вы?

Вдох-выдох, прыжок в прорубь. И вот он уже барахтается в темной ледяной воде, не понимая, куда плыть, куда смотреть. Не желая смотреть и видеть...

...Она лежала на кровати, подтянув к подбородку острые коленки, сжав кулаки, сгруппировавшись. Она не была похожа на спящую. Она была больше похожа на мертвую. Даже волосы ее ярко-рыжие больше не горели огнем, потускнели, как потускнела ее некогда такая уютная, такая яркая квартира. Раньше она никогда не задергивала шторы. Да и шторы раньше были весьма условные, кисейно-прозрачные: в спальне бледно-зеленые, в гостиной персиковые, а на кухне бодряще-оранжевые. Сейчас окно было завешено наглухо плотной портьерой, света хватало лишь на то, чтобы не увидеть, а догадаться. Может, оно и к лучшему? Может, не стоит вообще смотреть, чтобы не стало совсем уж невмоготу?

А Никопольский уже шагнул к окну, отдернул портьеру, впуская в спальню беспощадный солнечный свет. И женщина, лежащая ничком на кровати, обрела плоть. Вот только не должен нормальный человек быть таким худым! Нормальный человек вообще не должен быть таким...

– Вот, полюбуйтесь, – сказал Никопольский каким-то сварливым тоном. – Посмотрите, во что она превратилась. Если ей сейчас не помочь, Никита Андреевич...

Если ей сейчас не помочь, она умрет. Уйдет туда, где ей всяко лучше, чем в этой пыльной квартире. Почему не позвонила? Почему не дала знать, что ей плохо? Что ей настолько плохо?

Это были пустые, даже лицемерные вопросы. Никита и сам знал почему. Она не позвонила, потому что он не хотел знать. Вот и весь ответ...

Стало больно. На сей раз почти на физическом уровне, когда нечем дышать и нутро сводит мучительной судорогой. Но нужно было что-то делать, нужно было

ее осмотреть, принять правильное решение, помочь.

– Сделайте над собой усилие. – Никопольский словно читал его мысли и чуял его страхи. – Я понимаю, это неприятно, но представьте, что она – самый обычный пациент.

Самый обычный пациент. Вот это правильная и спасительная мысль. С обычным пациентом можно быть обычным врачом, отринуть боль и сомнения, заняться наконец своим делом! И Никита занялся делом. Он подошел к кровати, положил ладонь на хрупкое плечо, потянул. Она сопротивлялась. Даже в этом своем сумрачном состоянии она сопротивлялась, не желала открыться миру, цеплялась руками за коленки, поскуливала. А под кроватью поскуливала черная кошка, последняя подружка, единственная живая душа, которая с ней осталась. Остальные бросили. Он, Никита, бросил. Нет, он никогда ничего ей не обещал, их общение с самого начала было сделкой. Отчего же так паршиво на душе было тогда и так больно сейчас?

– Эльза... – На бледной шее, под подбородком лихорадочно и неритмично билась тонкая жилка. На изможденном лице почти не осталось веснушек. А когда-то их было много, они были яркие, как осенние листья. – Эльза, открой глаза.

Открыла. Посмотрела невидящим, ничего не понимающим взглядом. Глаза тоже выцвели, из изумрудно-зеленых сделались мутно-болотными, с черными омутами широких зрачков. Сухие, в трещинках губы растянулись не то в улыбке, не то в гримасе.

– Уходи! – проскрипел чужой, незнакомый голос. – Тебя тоже нет. Уходи!

И она вдруг забилась, заметалась, пытаясь вырваться, освободиться из его хватки. Заорала благим матом черная кошка, выскочила из-под кровати, вцепилась когтями Никите в ногу. Он дернул ногой, отшвыривая кошку в угол, всем своим весом навалился на беснующуюся Эльзу. И где только она брала силы на сопротивление?! Где брала силы и где брала наркотики?..

– Ей нужно в больницу, – прорычал Никита, прижимая Эльзу к кровати. – Здесь я ничего не смогу для нее сделать. Да успокойся ты, пожалуйста!

Захотелось ее ударить. Или не ударить, а схватить за плечи и трясти сильно-сильно, чтобы выбить из нее все это... всю эту дурь. Как она могла?.. Как он допустил?..

– Ей нельзя в больницу. – Никопольский присел на корточки перед шипящей и огрызающейся кошкой, бесстрашно погладил по треугольной башке. – Но я подготовил все необходимое. Нам стоит поторопиться. Мне кажется, она выглядит не слишком хорошо.

Она выглядела плохо. Нет, она выглядела ужасно, отвратительно и безобразно. В этом существе не осталось ничего от той наивной девочки, которую он знал. Или осталось? Затаилось на самом дне широких зрачков?

– Эльза, хватит, – сказал Никита почти ласково. – Не сопротивляйся, я тебе помогу.

На мгновение, всего на долю секунды ее взгляд сделался ясным и цепким.

– Мне никто не поможет, – прошептали потрескавшиеся губы. – А тебя вообще нет...

– Я есть, – прорычал Никита, набросил на нее старый плед, словно в силки поймал, и подхватил на руки, поражаясь и одновременно ужасаясь тому, как мало она весит. – А вот тебя почти нет!

Синхронно с ним Никопольский подхватил с пола кошку. Она не сопротивлялась, только прижимала к башке уши и испуганно шипела. Только кошки ему не хватало...

По лестнице Никита шел очень осторожно, боялся споткнуться, уронить Эльзу. Можно подумать, ей бы стало хуже, если бы он ее уронил. Можно подумать, она вообще что-нибудь почувствовала бы. Она сказала, что его нет. Решительно сказала, уверенно, словно не плавала в мутном мареве морока, словно понимала хоть что-нибудь из того, что происходит. А ему было обидно. Глупое и нерациональное чувство. Разве можно обижаться на наркоманку?.. Или он обиделся не на наркоманку, а на человека, которого когда-то знал довольно близко. Настолько близко, что жил с ним в одной квартире? Или не обиделся, а испугался? Испугался по-настоящему, до мурашек, до холодного пота и икоты...

Водитель, неразговорчивый хмурый дядька, предупредительно распахнул дверцу «Мерседеса», и Никита кое-как пристроил Эльзу на заднее сиденье. Он пристраивал, пытался от натуги, покрывался потом, а в голове вертелись слова из песни «Крематория»: «Безобразная Эльза – королева флирта»...

Как же она ненавидела эту песню! И имя свое, наверное, из-за этого не любила. Потому что каждый второй, если не первый, во время знакомства начинал гундеть «безобразная Эльза...».

Пристроил, уселся, почти упал рядом. Никопольский уместился на переднем сиденье. Кошку он держал крепко, за холку, но та и не пыталась вырваться. Не хотела бросать Эльзу в беде? Все бросили, осталась только кошка, такая же страшная, худая и несчастная, как и она сама...

Машина еще не тронулась с места, а Никита уже набирал знакомый номер. Ему хватило ума и здравого смысла, чтобы понять: один он не справится, по крайней мере, в первое время. Эльзе сейчас нужен не хирург, а нарколог. Ей нужна детоксикация и что еще они там придумывают для таких вот... почти безнадежных?

– Что она принимает? – спросил он у Никопольского. – Вы знаете?

– Я догадываюсь. – Никопольский, словно ожидая этого вопроса, протянул Никите список. Список оказался длинным. – Думаю, что-то из этого. Если не все сразу. Кожу я осмотрел первым делом, следов от инъекций нигде нет.

– Давно?

– Не знаю. Мы знакомы всего два дня. Если это вообще можно назвать знакомством.

Ожил, забубнил мобильный, старый друг, который лучше новых двух, вышел наконец на связь.

– Чего тебе, Быстров? – спросил весело.

– Мне тебя, Ильюха. И прямо сейчас. – Собственный голос показался ему странным, каким-то истеричным. Наверное, Ильюха Стешков, бывший однокурсник и действующий товарищ, тоже почуял неладное.

– Случилось что? – спросил осторожно.

– Не со мной, но ты нужен до зарезу, со всем своим боекомплект. Тут... человеку одному плохо, – назвать Эльзу по имени не вышло.

– Насколько плохо? – На том конце провода что-то лязгало и грохотало. Похоже, Ильюха уже собирал свой боекомплект.

Никита зачитал список, который дал ему Никопольский.

– Вот насколько.

– Все сразу или по очереди? – Хлопнула дверь, а потом почти тут же взвизгнула сигнализация. Ильюха уже седлал своего железного коня.

– Я не знаю.

– Если ты звонишь мне, значит, отделение – не вариант. – Взревел мотор.

– Не вариант. Я сейчас продиктую адрес. Сможешь приехать?

– Уже еду. Диктуй!

Всю дорогу до места кошка выла. Сидела смирно на коленях Никопольского, но выла, как по покойнику. А Никита то и дело проверял пульс на Эльзиной шее, прислушивался к сбивчивому дыханию и уговаривал себя не паниковать, коль уж лучший нарколог области взялся за дело. Все будет хорошо. А внутренний голос тем временем подленько так нашептывал, что одним только лучшим наркологом области не обойтись, что нужен еще и психиатр. Внутреннему голосу Никита велел заткнуться, снова проверил пульс, зачем-то погладил по давно не мытым, свалявшимся волосам.

Доехали быстро. Через тридцать минут уже были за городом, «мерс» с тихим рычанием въехал во двор приземистого бревенчатого дома. Дом стоял особняком на лесной опушке, от соседей и любопытных был отгорожен трехметровым каменным забором. И почти тут же, стоило водителю заглушить мотор, из-за ворот решительно посигналили: примчался Ильюха. Никопольский выбрался из машины, опустил кошку на зеленую лужайку. Она припала тощим брюхом к земле, прижала уши, зашипела, но не сбежала. Пока Никопольский возился с замком, а Никита прикидывал, как бы половчее извлечь Эльзу из салона, подошел Ильюха. Посмотрел сначала в машину, потом на Никиту.

- Это же она? - то ли спросил, то ли констатировал факт.

Никита молча кивнул, поплотнее укутал Эльзу в плед, подхватил на руки и побрел к крыльцу. Ильюха и кошка потрусили следом.

Внутри дом был просторнее, чем казался снаружи. В нем вкусно пахло сосной и полиролью, а Никита вспомнил совсем другие запахи, сглотнул колющий ком.

- Господа, идите сюда! - раздалось откуда-то из недр дома, и они пошли на голос.

Когда Никопольский говорил, что у него все готово, он не соврал. Эта просторная, солнечная комната была похожа на палату. Больничная койка, штативы для капельниц, столик для инструментов, дефибрилятор. Аппаратура для клинического мониторинга, которой позавидовал бы главврач той больницы, из которой Никита уехал, кажется, уже вечность назад. Восхищенно и одновременно удивленно присвистнул Ильюха, плюхнул саквояж с «боекомплект» на железный столик, велел:

- Ник, клади ее пока на койку. Сейчас будем спасать. - Он шутил и балагурил, но все равно было видно, что нервничает. Никита его понимал - ситуация была не из стандартных.

Эльзу на койку он положил очень бережно, словно от любого неловкого движения она могла рассыпаться. А может, и могла, она ведь стала такая... такая хрупкая. Безобразная Эльза... Бедная безобразная Эльза... А в комнату прошмыгнула кошка, забила под койку, привычно уже зашипела.

- Это чья? - спросил Ильюха, наверное, просто чтобы нарушить неловкое молчание.

- Это ее. Наверное. Прогнать?

Сказать по правде, прогнать кошку ему не хотелось. Он все прекрасно понимал про асептику и антисептику, но кошка была единственной живой душой, которая не просто осталась, а последовала за Эльзой.

- Если потребуется, прогоним. - Ильюха уже деловито тянул с Эльзы плед. - Если будет орать, то точно прогоним, а пока пускай сидит в виде группы поддержки. Выйти не хочешь, пока я тут? - Он бросил на Никиту быстрый взгляд.

Никита хотел. Он чувствовал непривычную, совсем несвойственную людям его профессии неловкость. За себя, за Эльзу, которая такая же тощая, несчастная и неухоженная, как и ее кошка. Ему казалось, что, будь она в сознании, ей бы тоже было неловко от всего этого. Но Эльза не была в сознании, Эльза была под кайфом. И это в лучшем случае.

- Я побуду тут, - решился он и отошел к окну.

Ильюха ничего не ответил, он был занят поиском вен на тонких Эльзиных руках.

- Как давно она такая? - спросил, не оборачиваясь.

- Я не знаю. - Никита пожал плечами. - Никто не знает. Но если судить по внешнему виду...

- Не суди, - мотнул головой Ильюха. - Там любой анамнез может быть, любая клиника. Я пока возьму кровь на анализ, а потом приступим к детоксикации. Но ты же понимаешь, Ник, - он обернулся, - все может быть гораздо сложнее. Легко не будет, это факт.

В том, что легко не будет, Никита даже не сомневался. Им никогда не было легко вместе, всегда оставалось что-то такое... фальшивое. Или, наоборот, слишком честное.

– Я потом позвоню кое-кому. – Ильяха все делал быстро и четко, по до автоматизма отработанной схеме. – У меня есть знакомый человечек. Если хочешь, мы все выясним... Ну, из ее другого анамнеза.

– Не нужно пока звонить. Давай сделаем все, что от нас зависит, а там посмотрим, как оно. – Из окна комнаты-палаты виднелись верхушки сосен и клочок пыльно-серого неба, Никите снова невыносимо захотелось на волю.

– Как скажешь. – На то и нужен лучший друг, чтобы помогать, не задавая лишних вопросов. Да и что спрашивать, если у Никиты ни на один вопрос нет ответа? – А этот, в галстuke, очень предусмотрительный товарищ. Ремешки вот приготовил. – Ильяха потрогал крепкие кожаные ремни, сказал чуть виновато: – Я бы пристегнул. Не прямо сейчас, а на тот случай, если в комнате никого не окажется, а она очнется. Они ведь непредсказуемые становятся во время абстиненции, Ник. Другим могут навредить. Себе.

Эльза могла навредить только себе. Уже навредила. Так навредила, что не понятно, как спасать. Вернее, как спасти, как раз понятно, все по протоколам, а вот получится ли спасти?.. Чтобы не на время, чтобы навсегда.

Получится, неожиданно для себя решил Никита. Она не станет седьмой в его списке. Только не она! И пусть в том, что с ней случилось, нет его вины, от этого не легче. Он ведь знал, что у нее никого нет, что попросить о помощи она никого не сможет. Знал и все равно самоустранился, понадеялся, что все как-нибудь утрясется.

Не утряслось. Из солнечной, рыжей и веснушчатой девчонки Эльза превратилась в ту самую... из песни «Крематория». Что с ней стряслось? Что опять с ней стряслось, черт побери?!

Несмотря на работающий кондиционер, вдруг нечем стало дышать, и Никита вышел, почти выскочил во двор, уселся на крыльце, сжал виски руками. За спиной скрипнули дверные петли, и вкрадчивый голос Никопольского сказал:

– Вы, наверное, целый день без еды, Никита Андреевич? Я приготовил вам бутербродов и сварил кофе. Пойдемте на кухню, здесь слишком жарко.

Никита скрипнул зубами, послушно побрел вслед за Никопольским обратно в дом, на кухне уселся за стол, невидящим взглядом посмотрел на блюдо с бутербродами и огромную чашку с дымящимся кофе. Есть не хотелось совсем, а вот кофе... Кофе Никопольский варил отменный, услада для души, а не кофе.

– Насколько она плоха? – Он уселся напротив, свой портфель пристроил на коленях.

– Не знаю. – Никита и в самом деле не знал. – Илья очень хороший врач. Он сделает для нее все возможное.

– Как и вы. – Это не был вопрос, это было утверждение. И неожиданно для самого себя Никита кивнул:

– Как и я.

– Хорошо. – Никопольский выглядел удовлетворенным. Похоже, с этого момента самочувствие Эльзы перестало его волновать.

– Зачем она ему? – спросил Никита.

– Кому?

– Тому, чьи интересы вы представляете. Какое ему до нее дело?

– Если я скажу, что мой клиент намерен принимать участие в жизни этой бедной девочки, вы мне поверите?

– Нет.

– Ваше право. Но другого ответа у меня, к сожалению, нет. Мой клиент крайне заинтересован, чтобы она выздоровела и восстановилась в кратчайшие сроки. И «кратчайшие сроки» – это не фигура речи. Вам с вашим товарищем придется сотворить почти невероятное. Кстати, пусть он озвучит стоимость своих услуг, я все оплачу.

– В кратчайшие сроки не получится. – Никита сделал осторожный глоток из своей чашки. – С наркоманами это так не работает.

– Но наш случай не совсем стандартный. – Никопольский пригладил свой дурацкий галстук. – Если вы понимаете, о чем я.

– Я понимаю. – Никита кивнул. – Но это лишь все осложняет.

– А мне думается, что наоборот. Впрочем, нас рассудит время. Жаль только, что времени у нас не так много, как хотелось бы. Вам, Никита Андреевич, придется сотворить еще одно чудо.

– Я не чудотворец.

– Надо постараться.

Самое интересное, что Никопольский не шутил и даже не иронизировал, он давал Никите задание, с которым тот вряд ли вообще сумеет справиться, не то что в кратчайшие сроки.

– Я взял на себя смелость осмотреть ее квартиру. Как вы, наверное, понимаете, ничего ценного там не осталось. Она продала даже свои работы. Причем продала за бесценок. Вы знаете, что у коллекционеров ее картины в большой цене? Несколько есть даже у моего клиента.

Никита ничего не знал про ценность. Он знал другое: у него тоже есть одна из картин Эльзы. Картина-перевертыш, странная, мрачная и этой своей мрачностью особенно притягательная. Старый дом на берегу озера. Каменные стены, поросшие мхом, окна-бойницы, остроконечная крыша и высокая башня особняком. Но стоит только перевернуть картину – и вот уже отражение становится реальностью. Дом уже не приземистый и старый, а нарядный и воздушный, распахнувший двери в ожидании гостей. И башня уже не мрачная, а словно сотканная из черного кружева. Никита все никак не мог решить, какой из этих домов ему нравится больше, поэтому перевешивал картину то так, то этак в зависимости от настроения, а потом снял, упаковал, задвинул в самый дальний угол кладовки. С глаз долой – из сердца вон!

- Она продала все, что можно было продать. - Никопольский в задумчивости почесал кончик носа. - С квартирой там тоже не все чисто. Я наводил справки, родственники собирают документы о признании Эльзы недееспособной.
- Родственники... - Никита заскрежетал зубами. - Знаем мы этих родственников.
- Мы тоже знаем. Поэтому я взял на себя смелость представлять интересы Эльзы в суде. Но думаю, до суда дело не дойдет. Мне лишь нужно ее разрешение на ведение дел и, разумеется, подпись. А для этого, как вы понимаете, необходимо, чтобы она не только осознавала свои действия, но и выглядела в достаточной степени... - Никопольский хмыкнул, - в достаточной степени вменяемой.
- Вменяемой для чего? - спросил Никита, отодвигая от себя недопитый кофе.
- Вменяемой для жизни. И для одного увлекательного путешествия. - Никопольский пожал плечами.

* * *

Жить в кошмарах было тяжело, но Эльза привыкла. Не сразу, далеко не сразу - постепенно! Человек такое существо, которое может привыкнуть к чему угодно, дай только срок. Сложнее было с болью, которая обрушивалась на Эльзу, когда кончалось действие таблеток, пока не оставалось сил даже на крик. Умереть бы, сдохнуть раз и навсегда, а не так вот... понарошку. Но умереть у Эльзы никак не получилось. Она ведь попробовала открыть и эту дверь...

Лучше бы таблетки, таблетки могли подарить смерть легкую и почти безболезненную, но таблетки закончились, и денег, чтобы раздобыть новые, у Эльзы тоже не было. Оставалось лезвие и горячая ванна.

Исходящая паром вода окрашивалась сначала бледно-розовым, потом ярко-алым. А когда алый перешел в бордо, вода замерзла, покрылась тонкой коркой льда и кто-то невидимый, но оттого не менее реальный с силой дернул Эльзу за волосы, выволок из ванны, швырнул на ледяную плитку пола. Так она и лежала, в лужицах замерзающей воды, в мокрой пижаме, наблюдая, как собственное дыхание превращается в облачка пара, рассматривая свое отражение в замерзшей воде. Отражение было страшное, почти такое же страшное, как и вся

Эльзина жизнь. Ввалившиеся глаза, в сосульки слипшиеся, смерзшиеся волосы, потрескавшиеся, запекшиеся губы...

К лицу сунулась кошка, лизнула в щеку шершавым языком, не то замякала, не то зарычала низким, утробным голосом. Она всегда вела себя так, когда на Эльзу накатывала тьма. Кошка чужая это. Так же, как и сама Эльза. А больше никто. Не чужая, не верили. Потому что нет никакой веры сумасшедшей наркоманке.

А раны от лезвия затянулись. Сначала покрылись кровавой ледяной коркой, а потом превратились в черные струпья. Когда холод ушел и вода снова стала горячей, струпья отвалились, оставляя после себя тонкие белесые полоски. Из ванной комнаты Эльза выползла на четвереньках, сил хватило лишь на то, чтобы открыть дверь кошке. В доме давно не осталось еды, но на чердаке жили мыши. Эльза слышала, как они шуршат над головой и в стенах. Кошка не пропадет, она умная и ловкая. Куда умнее и ловчее своей непутевой подружки.

Наверное, она так и не закрыла дверь, потому что в квартиру и Эльзину муторную жизнь тяжелой поступью вошла Януся. Прогнать бы, да откуда взять сил?

– Снова накидалась? – спросила Януся, присаживаясь перед Эльзой на корточки. От нее пахло сдобой и больницей. А еще злостью. Януся только казалась доброй, но аура ее полыхала багряными сполохами, в нескольких местах она была черной, словно прожженной сигаретами.

Отвечать Эльза не стала, отвернулась к стене, а Януся уже ухватила ее запястье, сдавила с силой, до боли.

– Это что такое? – прошипела и отвесила подзатыльник. – Это ты что такое удумала, убогая?! Соскочить решила? Так не выйдет! Мы с тобой еще не решили, не договорились. Рано тебе подыхать, нам еще к нотариусу нужно.

– Мне не нужно.

– Не нужно ей! – Януся снова замахнулась, но не ударила. Может, побоялась зашибить насмерть. А Эльзе было все равно. Пусть бы и зашибла. – А у меня Олежка подрастает. Детенку скоро восемнадцатый годок, на девок уже

заглядывается. А куда он девок этих водить станет? В мамки с папкой квартирку? Нет, выкуси! – Януся сложила толстые пальцы в кукиш. – Девки он пусть сюда водит, в свою квартиру.

– Мою... – прохрипела Эльза. Или это упрямство прохрипело вместо нее.

– Твою, – хмыкнула Януся. – Было ваше, стало наше! Ты ж ненормальная! Ты сумасшедшая наркоша. Тебя лечить нужно!

Не нужно. Янусе нужно, чтобы Эльза была тихой и обдолбанной. А еще, чтобы продолжала писать картины. Картины интересовали ее, пожалуй, даже сильнее, чем квартира. Потому что картины можно продать. Удивительное дело, у Эльзы продавать не получалось – только дарить. А Януся знала какую-то тайну, Януся могла продать зимой снег, не то что какие-то там картины.

– Я тебе пожрать принесла, убогая! – Януся зашуршала пакетами, принялась выкладывать прямо на пол перед Эльзой буханку хлеба, пакет молока и – невиданная щедрость! – кусок вареной колбасы.

Вот только не это Эльза от нее ждала, совсем не это. Януся приносила таблетки, те самые, которые были способны выдернуть Эльзу из одного кошмара и поместить в другой, но уже куда менее страшный и менее реальный. В том кошмаре можно было затаиться и спрятаться от всех. Там было почти хорошо, почти спокойно. Только все равно больно.

– Чего зыркаешь? – Януся пнула ногой батон. – Колеса ждешь? Сначала пожри, а потом будут тебе колеса. Намалевала хоть что-нибудь или провалялась падлой?

Провалялась. Даже умереть попыталась, но вот... не получилось.

– Жри! – прикрикнула Януся и сунула в руку Эльзе батон.

Батон был черствый и цвильный, от него пахло плесенью и больницей. Януся тащила из больницы все, что получалось: и колеса, и просроченную еду. Януся умела не только продавать, но и воровать. Или, как она говорила, пользоваться служебным положением. Эльза забыла, какое у нее там служебное положение. То ли просто медсестра, то ли старшая медсестра. Не важно, главное, что оно

позволяет ей добывать таблетки.

– Жри, я сказала!

Во рту было сухо и колко от хлебных крошек, Эльза жевала, давилась, заходила кашлем.

– Запей! – Януся сунула ей чашку с молоком. – А то еще удавишься, чего доброго.

А молоко свежее, только теплое. Кошке понравится. Кошка любит молоко.

– Колбасу в холодильник положу, а то закиснет. – Януся уже хозяйничала в кухне. Эльза прижалась спиной к стене, чашку с недопитым молоком поставила на пол. Тошнит. Если выпить или съесть еще что-нибудь, вырвет. – Ну что? – Януся вышла обратно в коридор, уперла кулаки в крутые бока, посмотрела сверху вниз. – Хочешь таблеточку?

Эльза хотела. Хотела и ненавидела себя за это желание. Себя ненавидела, Янусю, жизнь свою непутевую. Но куда сильнее ненависти был страх. Без таблеток все вернется и больше никогда не отпустит.

На пухлую ладошку Януся высыпала четыре таблетки, подумала немного, убрала одну.

– Хватит, – сказала с недоброй усмешкой. – Еще подохнешь от передоза, возись потом с тобой.

А Эльза уже тянулась к этой ладошке, видела только таблетки, думать могла только о них. Где там ненависть? Где стыд? Даже страх отступил перед этой черной, неумолимой жаждой.

– Погодь, погодь! – Янусины пальцы сжались в кулак, сверкнул на безымянном рубиновый перстенок. – Послезавтра приду, если за мазню свою не сядешь – останешься без колес на неделю. Поняла?

– Поняла. – Эльза сглотнула колючий ком.

– Тогда лови!

Поймала. Прямо на лету поймала. Как дрессированная собачка из цирка. Собачке – лакомство за хорошее поведение, Эльзе – таблетки. Все по-честному...

Проглотить одним махом не получилось, пришлось запивать молоком. Только бы не вырвало, только бы успели всосаться...

– Я пошла. – Януся расправила складки пышной юбки, пригладила пережженные перекисью кудри. – А ты не дури тут. И не зли меня. Помни, только я одна – твоя надежда и опора. Никому ты, сирота убогая, не нужна!

Не нужна. Потому что сирота. Потому что убогая. Когда-то очень давно Эльзе показалось, что нужна. Позволила она себе такую глупость, как вера в человека. Но время все расставило по своим местам. Так что не о чем думать, не о ком горевать. Она теперь знает правду. А правда в том, что никто ей больше не поможет, каждый сам по себе.

Таблетки начинали действовать быстро, не так быстро, как уколы, но все же. Эльза закрыла глаза, прислушиваясь к растекающемуся по измученному телу блаженству. Только в такие вот моменты она чувствовала себя если не хорошо, то хотя бы нормально. Только в такие моменты она ощущала себя человеком.

А кошка вернулась, поднырнула под ладонь, мяукнула требовательно. Единственная верная подружка, куда вернее остальных, куда лучше. Эльза открыла глаза. На полу у ее босых ног лежала мышь. Кошка тоже не хотела, чтобы Эльза сдохла, но не из-за квартиры и картин, а просто потому, что любила. Бывает же такое...

– Спасибо, – сказала Эльза и одной рукой почесала кошку за ухом, а второй придвинула к ней чашку с недопитым молоком. – А это тебе. Так сказать, от нашего стола вашему...

Стало почти хорошо. Теплая хмельная волна сначала лизнула ноги, потом подхватила под руки, подняла, понесла на кровать. Если повезет, забвение продлится долго, достаточно долго, чтобы не чувствовать вообще ничего...

Не вышло... Януся принесла какие-то неправильные таблетки, может, просроченные. Не получилось забвения – снова нарастала боль. На сей раз у Эльзы не сжималось спазмами горло, а просто кто-то тряс ее за плечи и звал злым голосом:

– Эльза!

У видения было лицо Никиты. Конечно, как же иначе ей выглядеть? Вот только Никиты больше нет. Где-то он точно есть, но только не в Эльзиной беспутной жизни.

– Уходи. Тебя тоже нет!

Вот только видение не уходило, оно злилось так же, как злилась Эльза, прижимало ее к кровати, дышало с присвистом, а потом спеленало и поволокло. К черту! Пусть волочет! Пусть делает что угодно, Эльзе плевать. Таблетки скоро перестанут действовать...

Перестали. Предали Эльзу так же, как предавали все остальные, оставили после себя только боль, страх и отвращение. Эльза открыла глаза. Над головой вместо привычного, в разводах и трещинах потолка нависал какой-то другой, незнакомый потолок – слишком белый, слишком яркий. Наверное, что-то с глазами. Такое уже бывало, что зрение ее подводило, накидывало сизый морок на реальный мир. Надо только потерять глаза.

Не вышло. Потереть не вышло, даже руку поднять. А вот такого еще не бывало, не отказывали ей еще руки-ноги. Почти не отказывали.

Пришлось, преодолевая боль и тошноту, приподнять голову, посмотреть, что там не так с руками. С руками все было не так, абсолютно все! Они были привязаны кожаными ремнями к металлическим поручням кровати. Чужой кровати, медицинской...

Значит, все-таки передоз, или не выдержал кто-то из соседей, вызвал санитаров. Что же она натворила? Как попала сюда, в эту до боли светлую комнату, под прицел уютно попискивающих мониторов? Или нужно задать другой вопрос? Как ей вырваться из этой стерильной клетки?! Как убежать?!

Остатков разума хватило, чтобы не кричать, но не хватило на то, чтобы осмотреться, перед тем как начать действовать. Эльза заметалась, в попытках высвободиться из кожаных браслетов до крови стирая кожу на запястьях. Громко мяукнула кошка, прыгнула на грудь, принялась вылизывать подбородок и мокрые от слез щеки. Кошек в психушках не держат, в психушках запирают лишь вот таких неприкаянных, как Эльза. Значит, нет никакой палаты и наручников, а есть продолжение кошмара. Такое реалистичное продолжение, что даже не верится...

- Эльза, не дергайся, ты поранишься.

Все, точно кошмар. Потому что только в кошмаре она слышит этот голос. Слышит все реже и реже, но все же. Хорошо, пусть он говорит. Когда он говорит, становится легче. Он почти как кошка, а может быть, даже лучше. Надо лишь помнить, что он ненастоящий, что он не навсегда. Однажды так уже было, он пришел, а потом ушел. Эльза думала, что умрет, но все равно выжила. Назло всем, в первую очередь самой себе.

- Давно тебя не было, Ник. - Сейчас, когда она знает, как устроен мир - все эти миры! - ей легче. Сейчас она знает правила игры и даже может подыграть собственным галлюцинациям. Это так забавно - беседовать с галлюцинацией. Еще бы кто-нибудь убавил боль, хоть чуть-чуть...

- Да, Элли. Меня давно не было. - На лоб легла горячая и тяжелая ладонь. Слишком горячая, слишком тяжелая. Ничего, она потерпит. - Как ты себя чувствуешь?

А может, и глаза открыть? Может, галлюцинация слуховая станет еще и зрительной? Два удовольствия в одном флаконе.

- Я хорошо, Ник. Просто замечательно... - Сначала сказала и только потом открыла глаза.

Он повзрослел. На висках легкая, едва заметная проседь, сизая щетина на подбородке, а во взгляде что-то такое... Плевать что, только бы не жалость и не брезгливость. Потому что настоящий Никита именно так бы на нее и посмотрел. Любой человек так бы посмотрел. Но этот не настоящий, этот - порождение ее воспаленного, одурманенного наркотиками мозга. Очень реалистичное

порождение. Хоть портрет пиши. У нее никогда не получались портреты, но сейчас вот захотелось. Она напишет портрет Никиты и спрячет его под матрас, чтобы Януса не нашла. Должно же у нее хоть что-нибудь от него остаться.

– Я напишу твой портрет. – У нее даже улыбнуться получилось. Губа, правда, тут же закровила, но это ведь такая ерунда.

– Зачем? – спросил Никита своим таким привычным, таким серьезным тоном. – Зачем тебе мой портрет, Элли?

– Пусть будет хотя бы портрет, если нет тебя. – Бредовому порождению не нужно врать, ему можно говорить правду. Интересно, а пить у него можно попросить? Было бы забавно. – Можно мне воды?

– Можно. – Он осторожно снял с кровати урчащую кошку, протянул Эльзе чашку. – Пей.

Вода была вкусная. Настолько вкусная, что пить медленно и аккуратно не получалось. Эльза закашлялась, начала задыхаться.

– Не спеши! – Никита подхватил ее под плечи, приподнял. Держал крепко, в лицо заглядывал сосредоточенно и так же сосредоточенно стирал с ее лица пролитую воду.

Настоящий! – озарило ее. Не призрак и не бредовое порождение, а настоящий Никита Быстров. Смотрит на нее вот такую... никчемную, изображает участие, пытается помочь. А ей не нужна его помощь! Уже не нужна! Ей вообще ничего не нужно, и от прикосновений этих больно!

Зубы впились в шершавую, пахнущую дезсредствами ладонь, на губах стало солоно и горько одновременно. Чтобы не прикасался даже... чтобы не смел ее жалеть...

Он отдернул руку, зашипел почти по-кошачьи. Эльзе даже подумалось, что ударит. Другой бы непременно ударил. Да она бы и сама... А он лишь зло мотнул головой. Или даже не зло. Где ж ей разобраться в чужих эмоциях, когда собственных столько, что аж нечем дышать!

А дышать и в самом деле нечем и больно, а внутри горячо. Что-то огненное вливается в вену через иглу вот из того флакона, вымывает остатки таблеток, возвращает Эльзу из того мира в этот. А она не хочет возвращаться! Ни за что!

И она закричала. От боли, от стыда, от безысходности, от осознания того, что он ничего о ней не знает и ничего не понимает. Закричала, забилась затылком о мягкое изголовье кровати. Был бы там кирпич или булыжник какой, она бы ударилась посильнее, и все... А так глупо и бессмысленно, и Никитина ладонь снова на ее лбу, давит, прижимает, не позволяет причинить себе даже минимальный вред. Он ведь доктор, он должен спасти таких, как она. Даже таких, как она...

- Эльза, не надо! - Он говорил одновременно тихо и зло. Говорил и продолжал прижимать ее голову.

- Пусти! Отпусти! Развяжи меня! - Она еще что-то кричала, но не слышала ни собственного голоса, ни его. Перед глазами плавали клочья кровавого тумана, и из-за этих клочьев она не видела Никитино лица. Хорошо.

- ...Слышу, очнулась наша спящая красавица! Очнулась и уже задала Никитосу жару!

Этот веселый, с легкой хрипотцой голос Эльза тоже помнила. И голос, и его обладателя.

- Пригодились ремешки? А, Ник? Ты бы ее без них не удержал. Она бы тебя без них порвала как Тузик грелку.

- Уже порвала, - прохрипел Никита.

- Укусила, что ли? Плохо. - А вот сейчас он не шутил, сейчас он встревожился не на шутку. - Рану обработал? Не хочу сказать ничего плохого, но у нее такой анамнез. Надо будет потом провериться...

- Заткнись! - рыкнул Никита и перестал прижимать Эльзу к койке. - Ты видишь, она не в себе! Ей больно, Ильюха!

И больно, и стыдно, и дозы хочется, а жить нет. Но хуже всего, как ни странно, стыд. Какая она сейчас? Во что одета? Одета ли вообще хоть во что-нибудь? А мылась в последний раз когда? Тогда же, когда вены резала? Если так, то еще ничего, можно сказать, совсем чистая.

Мысли были такие дикие и такие нелепые, что Эльза расхохоталась. Она билась затылком о подушку и хохотала, как сумасшедшая. Впрочем, почему как? Януся всегда говорила, что Эльза чокнутая.

– Все идет по плану, – сказал Илья скучным голосом, но близко к Эльзе подходить не стал. – Абстиненция такая. Я сейчас добавлю кое-что для облегчения симптоматики...

И добавил. И почти сразу же все начало меняться, закружилась палата, и Эльза вместе с ней. Чтобы не упасть, схватилась за Никитину ладонь. Или это он поймал ее за руку, попробовал удержать над бездной, но не сумел. Эльза полетела вниз.

* * *

– Дальше что? – Никита сидел на кухне перед чашкой кофе. Кофе он сварил себе сам, Никопольский давно уехал по своим делам.

– Дальше – больше! – Ильюха грузно плюхнулся на соседний стул, потер переносицу. – Дальше оставляю тебя, Никитос, дежурным по больнице. Мне пора, через пару часов на работу. Да ты не дрейфь, все самое необходимое я тебе там на столике оставил. Таблеточки, укольчики... Твоя главная задача сейчас – следить, чтобы она себе не навредила. Ну и выслушивать все, что она о тебе думает. А она сообщит, Никитос! Непременно сообщит, как только очухается. Они все сообщают, такими словами порой обзывают... – Он потянулся, отхлебнул кофе из Никитиной чашки. – Но ты не слушай и не верь. Не верь ни единому ее слову, потому что это не она станет с тобой говорить, а ее абстиненция. В ясном сознании и при трезвой памяти тебе такого ни одна девица бы не сказала, даже Эльза. Особенно Эльза.

– А хорошие новости будут? – спросил Никита, косясь на приоткрытую дверь в спальню.

– Хорошие будут, – Ильюха кивнул. – Зависимость у нее, конечно, есть, но не героиновая. Вены чистые. Во всех явных и неявных местах. Когда анализы будут готовы, я тебе сразу сообщу, а пока просто... детоксикационная терапия. Кстати, о детоксикационной терапии, я там у постельки ведро поставил. Скорее всего, ее будет рвать. А с ведром оно сподручнее. Отвязывать ее я бы тебе не советовал. Если только в крайнем случае. И не верь, Никитос! – Друг поднял вверх указательный палец. – Ни единому ее слову не верь! Пока дурь из нее не выветрится, это не она.

– Не она... – Кофе был горький и холодный, совсем не такой вкусный, как у Никопольского.

– И себя не смей винить. – А вот сейчас Ильюха говорил совершенно серьезно, без этих своих хиханек. – Ты ни в чем не виноват. Свою часть сделки ты выполнил.

Свою часть сделки... Не оттого ли так тошно, что именно сделки? Может, это для него была сделка, а для нее что-то большее?

– Эй, Никитос, даже не думай загоняться по этому поводу! – Ильюха подпер кулаком щеку. – Если бы не ты, она бы такой вот стала еще тогда, десять лет назад. Ты спас ее тогда, друг дорогой. Вытащил из такой жопы, жить научил по-людски. А то, что она не удержалась, что сорвалась, так это не твоя вина. Совсем не твоя.

Никита слушал, кивал, думал о своем. Надо позвонить шефу, попросить отпуск. У него их там скопилось... этих отпусков! Шеф, конечно, не обрадуется, что ни говори, лето – горячая пора, в отпуска всем хочется. Всем хочется, а Никите нужно, вот прямо до зарезу! И с Никопольским нужно еще раз переговорить. Что он там говорил про путешествие для Эльзы? Куда путешествие? С кем? С какой целью? Вроде бы и не его дело, но раз уж так вышло, то знать о планах Никопольского или этого его работодателя он обязан.

– Ну, я пошел! – Ильюха встал. – Ты тут сражайся, а я на телефоне. Звони, если что, мы как-нибудь коллегиально все ваши проблемы порешаем.

Хорошо бы, чтобы проблемы можно было решить коллегиально, но Никита чуял, что легко не получится. И всех проблем он еще не видел.

Друга он проводил, закрыл за ним ворота, вернулся в дом. Кошка ждала на крыльце, смотрела вопросительно. Голодная, наверное.

– Пойдем, – сказал Никита устало. – Колбасы дам.

Колбасу кошка проглотила в один присест, наверное, и в самом деле была голодна. Что они там ели вместе с Эльзой? Похоже, ничего не ели.

– Молока хочешь?

Молока кошка хотела, лакала быстро, оглядываясь по сторонам, словно опасалась, что отберут. А Никита сидел рядом на полу, скрестив ноги по-турецки, наблюдал.

– Как она дошла до жизни такой? – спросил то ли у кошки, то ли у себя.

Кошка ничего не ответила, только заурчала сыто, потерлась башкой о Никитову ладонь. Ильюха бы непременно напомнил про дезинфекцию и опасность паразитарных инфекций, но Никите было не до дезинфекции. Клонило в сон, сказывались треволнения минувшего дня.

В спальне имелось кресло, на вид достаточно глубокое и удобное. А подушку Никита притащил из гостиной. Смешную, расшитую совами подушку. Эльза спала и, похоже, видела сны. Нервно подрагивали длинные ресницы, под тонкими, полупрозрачными веками двигались глазные яблоки. Кошка запрыгнула на кровать, растянулась вдоль, уткнулась лбом в Эльзино предплечье, заурчала успокаивающе.

А ведь и в самом деле успокаивающе, потому что Никита и сам не заметил, как уснул.

Ему снилась квартира на пятом этаже. Солнце и ветер рвались в распахнутую балконную дверь, колыхались шторы, пахло сиренью, свежесваренным кофе и растворителем. Эльза, босая, взъерошенная, конопатая, стояла за мольбертом, рисовала свой дом-перевертыш. Вид у нее был сосредоточенный, а к рыжим веснушкам на руках добавились зеленые крапинки краски.

– Красиво, – он встал за Эльзиной спиной, дунул на взъерошенную макушку. – Что за домик?

– Это не домик, это потаенный дом. – Она не обернулась, она водила кистью по холсту, сначала медленно, сосредоточенно, а потом все быстрее и быстрее. И картинка на холсте оживала с каждым мазком. Зарябило от легкого ветерка лесное озеро, по небу пробежала туча, зацепилась за шпиль башни, всплакнула быстрым летним дождем, ушла за горизонт. С высокого векового дуба сорвалась стая воронья, закружила, закрывая крыльями небо, марая картину черным, превращая солнечный день в темную ночь.

– Эльза?.. – позвал Никита. Ему бы положить ладони ей на плечи, оттащить от этой чертовой ожившей картины. Но не получалось. Страх, почти животный ужас овладел Никитой.

А стая превратилась в одного-единственного ворона. Крупного, остроклювого, с седыми перьями в разверстых крыльях. Ворон всматривался в Никиту черным глазом, недобро всматривался, словно примерялся, прицеливался к жертве. Эльза пыталась закрыть ворона перепачканными краской ладонями, не пустить из нарисованного мира в мир реальный, но как-то вдруг стало совершенно ясно, что ей его не удержать, что еще чуть-чуть – и острые когти порвут тонкую ткань мироздания.

Уже порвали... Легкий ветерок превратился в ураган, завязал в узел рыжие Эльзины кудри, окрасил серым,дохнул на Никиту смрадным дыханием, закричал по-птичьи гортанно. А когти, острые, как бритва, уже тянулись к нему, рвали кожу на шее...

Никита заорал и от собственного крика проснулся. Не ворон, а кошка! Чертова черная кошка драла когтями майку на его груди и утробно выла. Он чертыхнулся, стряхнул кошку на пол, перевел еще расфокусированный со сна взгляд на кровать.

Похоже, проснулся он очень вовремя. Или кошка вовремя его разбудила. Эльзу рвало, она хрипела, захлебывалась и задыхалась. Она умирала, пока Никита спал. Едва не умерла...

Он вскочил на ноги, ринулся к кровати, едва не снес штатив с капельницей, подхватил Эльзу за плечи, перевернул на бок. Руки дрожали то ли со сна, то ли от испуга. А может, от всего сразу. Наверное, поэтому он не сразу понял, что она говорит.

- Пусти, - прохрипела и закашлялась. - Отвяжи меня.

А Ильюха велел не идти на поводу и не отвязывать. Велел ведро поближе придвинуть. Не успел он с ведром, проморгал.

- Я прошу тебя. - Эльза на него не смотрела, занавесила лицо спутанными волосами. - Мне нужно в ванну и прибраться.

В ванну и прибраться - это хорошо. Если женщине хочется прибраться - это благоприятный признак.

- Пожалуйста...

Развязал. Пока возился с ремнями, Эльза молчала, только дышала тяжело, с присвистом, а как только оказалась на свободе, ударила. Целилась в нос, но попала в челюсть, задела по касательной, он даже боли не почувствовал. Боли не почувствовал и не стал спрашивать за что. Ильюха предупреждал, что она будет упрекать, оскорблять и уговаривать. А она не стала, она просто врезала ему изо всех сил. Какие были силы, из таких и врезала.

- Пойдем, покажу, где ванная. - Он крепко сжал ее плечи, снова, в который уже раз, ужасаясь ее хрупкости.

- Сама. - Она попыталась отмахнуться и едва не свалилась. Пришлось подхватить на руки, понести.

На сопротивление сил, наверное, больше не осталось, потому что Эльза затихла, даже глаза зажмурила. Еще бы чертова кошка не путалась под ногами!

В ванной Никита приткнул Эльзу на корзину для белья, придерживая одной рукой, второй принялся открывать кран. Сначала холодная, потом горячая. Наверное, очень горячую не нужно, чтобы ее не развезло.

Готово!

– Раздевайся! – Смотреть на Эльзу при беспощадном свете галогеновых ламп было больно. Не противно и не страшно, а именно больно. Но выбора у них нет, из ванной он не выйдет, как бы она ни просила.

Она поняла, потрескавшиеся губы скривились в горькой усмешке.

– Отвернись. – Все-таки она открыла глаза, по-прежнему болотно-мутные, но уже с искрами прежней изумрудной зелени. – Просто отвернись.

– Я останусь, – сказал Никита решительно и отвернулся, а уже отвернувшись, проворчал: – Между прочим, я врач. Если ты забыла.

Зашуршала одежда, зашелестели шторы, и струи воды зашумели по-другому, разбиваясь уже не о дно ванны, а о подставленные Эльзины ладони.

– Ты как? – спросил он, все еще не оборачиваясь, давая ей фору.

Она ничего не ответила, но из-за шторы доносился плеск. Значит, жива и даже функционирует. Никита уселся на ту самую корзину для белья, вытянул перед собой ноги. Наверное, это даже хорошо, что она молчит, ни о чем не спрашивает, ни в чем не упрекает. Ошибся друг Ильюха, бывают и среди наркоманов исключения. Думать об Эльзе как о наркоманке было противно. Она больна, а болезнь можно вылечить. Он вылечит. На цепь посадит, если понадобится, но приведет ее в чувства. Вот уже начал приводить.

Запахло розой и жасмином. Еще один хороший признак – в ход пошел гель для душа или шампунь, а может, и то, и другое вместе. Никита осмотрелся, уповая на предусмотрительность Никопольского, и не ошибся. На полочке под зеркалом лежали новые зубные щетки и несколько видов паст, на вешалке висели два банных халата, один явно мужской, второй явно женский. Значит, и про Никитин комфорт не забыли гостеприимные хозяева. А на стиральной машине лежал пластиковый пакет. Никита заглянул внутрь, обнаружил дамское белье, футболку и хлопковые шорты. Все веселенького розового цвета, больше подходящее маленькой девочке, чем Эльзе. Эльзе бы бирюзу или апельсиновое что-нибудь... Он отодвинул пакет, посмотрел на свое отражение в запотевшем зеркале, взъерошил волосы, снова спросил:

- Ты как? - И тут же добавил: - Эльза, если ты мне сейчас не ответишь, я отдерну шторку.

Так себе угроза, если разобраться, но Эльза отозвалась:

- Где мы?

Голос был сиплым, словно прокуренным.

- За городом, вдали от цивилизации и всякой дури. Ты поняла? - Не хотел угрожать и нервировать, само как-то получилось.

- Мне нужно домой. - В ее голосе появились истеричные нотки. - Сейчас же!

- Зачем? Здесь все есть, Эльза. Все, что нужно для нормальной жизни.

Едва не слетев с петель, дернулась шторка, и из-за нее показалась Эльзина голова. Сейчас, мокрая и облезлая, она, как никогда, была похожа на свою кошку. Кошка. Только рыжая, а не черная, но такая же неприкаянная.

- У меня нормальная жизнь! - Наверное, хотела крикнуть, но снова получилось лишь просипеть.

- Нет. - Никита смотрел на нее в упор, изучал каждое пятнышко, каждую крошечную морщинку на ее влажном то ли от воды, то ли от слез лице. - У тебя ненормальная жизнь, Элли. У тебя вообще нет жизни. Ты больна.

- Я здорова! - Она улыбнулась. Вот только улыбка ее была больше похожа на гримасу боли. - У меня все хорошо!

А шторку она задернула, не выдержав его взгляда. Или ей просто осточертело на него смотреть. Никита не исключал оба варианта.

- У тебя не все хорошо, Элли, - сказал он терпеливо, словно разговаривал с маленьким ребенком. - Я был в твоей квартире, я видел, как ты живешь. Как ты вообще можешь так жить?

- Как видишь, могу. Прекрасно жила, пока ты не появился.

- Прекрасно умирала. Сколько уже было передозов? Сколько осталось до финального?

Может, и не нужно было ее злить, когда она в таком состоянии, но Эльза злая нравилась Никите куда больше, чем Эльза беспомощная. Пусть лучше так.

- Не твое дело!

И ведь правду сказала. Не было ему до нее никакого дела. Жил себе и горя не знал. До встречи с Никопольским. До визита в квартиру на пятом этаже. А теперь вот накатило. Словно бы и не жил, словно бы и не было этих десяти беззаботных лет.

- Теперь мое. - Сказал и сам испугался того, что сказал.

- Ты мне никто! - У нее все-таки получилось закричать. - Ты мне не муж, не брат, не сват! Кто ты мне, Быстров, чтобы решать, как мне жить?

И снова права - никто. Он ей никто, она ему - несчастная наркоманка, но раз уж так получилось, раз уж жизнь свела их снова, нужно как-то приспособливаться, подстраиваться друг под друга. До тех пор пока Эльза не поправится и у него не появится выстраданное право уйти жить своей жизнью дальше.

- Я тебе друг, Эльза. Давай на этом пока остановимся.

Ответа он ждал затаив дыхание. Словно бы важен был ему этот ответ, словно бы от него что-то вообще зависело.

Вот только Эльза не ответила, закрыла воду, и в наступившей тишине стало слышно ее тяжелое дыхание. Надо доставать ее из ванной, чтобы снова не поплохело. Не достал, вместо этого протянул за шторку руку с полотенцем. Полотенце забрали, выхватили с силой и злостью. И откуда что взялось в таком тщедушном теле?

– Отвернись... друг. – И в голосе слышалась насмешка. Нет, точно насмешка!
Еще один хороший признак?

– Чистая одежда в пакете, – сказал он, отворачиваясь. – Твою я бросил в стиральную машину.

Эльза одевалась молча, Никита вслушивался в ее сосредоточенное сопение. Дышала она часто, и дыхание ее сбилось. Похоже, остатки сил ушли на этот вот всплеск злости. Может, оно и к лучшему.

– Оборачиваюсь? – спросил он, когда сопение прекратилось, и, не дожидаясь разрешения, обернулся.

Она не стала краше и здоровее после помывки, но розовый цвет и розовый аромат определенно добавляли ей баллов. Уже не бомжиха, а просто смертельно уставшая девчонка. Пусть лучше уставшая, чем больная.

С кончиков рыжих волос, которые от влаги начали завиваться, стекали капли воды, оставляли мокрые следы на футболке. С размером, кстати, Никопольский ошибся: вещи были Эльзе велики как минимум на размер, если не на два.

– Никита, мне нужно домой, – сказала она очень серьезным, почти деловым тоном.

– Нет. – Он не чувствовал вины за то, что удерживал ее силой в чужом доме, он чувствовал вину за то, что оставил ее когда-то одну наедине с нерешенными проблемами, допустил все это.

– Но мне очень нужно! – Тон из делового сделался просительным, почти умоляющим.

– Все, что тебе нужно, я привезу сюда.

Мгновение Никите казалось, что она вцепится ему в волосы, расцарапает кожу, как ее кошка. Он даже приготовился отразить удар, но не понадобилось.

– Все, что мне нужно, ты не привезешь.

- Таблетки? Что ты принимаешь?

- Если я скажу что, ты достанешь? - А теперь надежда пополам с неверием, и во взгляде - голод. Такой дикий голод, который бывает только у наркоманов.

- Нет, Элли. Я не привезу тебе таблетки, но я сделаю все, что от меня зависит, чтобы облегчить твоё состояние.

- Мое состояние могут облегчить только колеса! - Она сорвалась на крик, почти визг, и за закрытой дверью тут же жалобно завывала кошка. Никита дверь открыл.

- Не только. - Он старался быть терпеливым и понимающим, старался следовать заветам великого нарколога Ильи Васильевича Стешкова: не обижаться и не давать невыполнимых обещаний. - Ты давно ела?

Вместо ответа Эльза равнодушно дернула плечом, подхватила на руки кошку, пошатнулась, словно даже такая ноша была для нее невыносимо тяжелой.

- Тебе нужно поесть. - Никита дождался, когда она выйдет из ванной, вышел следом.

- А полы ты помоешь? - спросила Эльза, не оборачиваясь.

- Помою. - И помое! Он не брезгливый. Не с его работой быть брезгливым. И не такое видел. - Сейчас накормлю тебя и уберусь.

- Я не голодна.

Голодна. Еще как голодна! Просто голод ее иного толка.

- Тебе нужно поесть. - Говорить с ней он старался терпеливо, хотя терпение, похоже, подходило к концу. - У тебя скоро начнется анорексия.

- У меня скоро начнется ломка. - Она так и не обернулась, стояла к нему спиной, баюкала свою кошку. - То, что ты видел, этот так... цветочки. Поэтому будет лучше, если ты меня отпустишь.

- Кому будет лучше?

- Тебе... Мне... Всем нам!

- Не будет. - Никита стал прямо за ее спиной. Сам не знал, для чего. Чтобы подхватить в случае падения или задержать в случае попытки побега? - Нам станет лучше, когда из твоей крови, из головы твоей вымоется вся эта дурь.

- Нам? - Все-таки она обернулась, посмотрела в упор своими болотного цвета глазищами. А изумрудные искры в них все равно есть, значит, пошел процесс. - Нас нету, Никита. Нет и никогда не было. Все взаимные соглашения мы давно уже выполнили, так что не надо...

- Я взял дополнительные сообязательства.

- Не нужно! - Изумрудного стало чуть больше, и зрачки расширились. Это от злости, пусть злится. - Нет у тебя никаких обязательств, и у меня нет. Не перед тобой.

- А перед кем? - спросил Никита очень серьезно. - Перед кем у тебя есть обязательства? Кто станет плакать на твоей могиле, когда ты сдохнешь? - Получилось грубо и жестоко. Друг Ильюха его такому не учил.

- Никто. - Эльза ответила не задумываясь. И вот от этого незамедлительного ответа, от того, с какой уверенностью он прозвучал, Никите сделалось совсем уж тошно. Хотя раньше казалось, что хуже уже не будет.

- Правильно, никто! - Не сказал, а прорычал он. - Никто не будет плакать на твоей могиле, потому что я не позволю тебе умереть!

- Да ладно! - Она усмехнулась горькой усмешкой, кошка зашипела на Никиту. Наверное, из чувства женской солидарности. - Смотри не переоцени свои силы. - Эльза прижалась спиной к стене. Похоже, стоять ей было тяжело, да еще с кошкой на руках.

- Не бойся, Элли, с моими силами все в порядке.

– И ты не бойся, Никита, – она снова улыбнулась. – Как только ты решишь, что наигрался в спасителя, можешь смело уходить. Я не стану тебя держать.

Не станет. Они это уже проходили десять лет назад. Только тогда Никита был в десять раз глупее и самоувереннее, чем сейчас, а она еще не была наркоманкой.

– Ладно, пойдём! – Он взял ее под руку, и она дернулась, словно от удара. – Тебе нужно поесть.

Он вел, почти волоком тащил ее в кухню и думал о том, что обязательства на себя взял почти неподъемные, что она упрямая и сильная. Куда сильнее, чем кажется. Ее бы энергию да в мирное русло, а не на самоуничтожение.

В кухне она почти упала на стул, кошка соскользнула на пол, забилась под стол. Никита распахнул холодильник, изучил его содержимое. Холодильник был битком набит всяким вкусным и полезным. И готовая еда в нем тоже была, бери и разогревай!

– Я не хочу есть. – Эльза уткнулась затылком в стену, прикрыла глаза. Сейчас она была похожа на фарфоровую куклу. Уставшую и больную фарфоровую куклу, но при этом красивую какой-то неправильной, нездешней красотой. Вдруг некстати подумалось, что она и в самом деле красива. Ее лишь нужно вылечить и откормить. А еще выбить всю эту дурь из ее головы...

– Давай начнем с малого. Яблоко или банан?

– Яблоко. – Она ответила, не открывая глаз. – А лучше кофе. Черный кофе без сахара.

Кофе она любила всегда. Даже когда они жили впроголодь и экономили на самом необходимом, у них был запас хорошего кофе. У них... так странно думать о тех беззаботных временах. Он и не стал думать.

– Значит, сначала яблоко, а я пока сварю кофе.

Яблоко Никита помыл и нарезал на тонкие ломтики, словно у нее не было не только аппетита, но еще и зубов, выложил на блюдце, блюдце поставил перед

Эльзой. Кошке положил прямо на пол кусок ветчины, подумал мельком, что нужно купить зверюге все самое необходимое, а то ходит по дому неприкаянная.

Пока Эльза внимательно изучала, разве что не обнюхивала яблочные дольки, сварил две порции кофе, разлил по чашкам. Подумал и добавил к кофе коробку шоколадных конфет. Шоколад Эльза тоже любила. Когда-то... В прошлой жизни...

Ели молча. То есть Никита ел, а Эльза так... баловалась. Он специально считал: пять тонюсеньких ломтиков яблока, одна конфета, полчашки кофе. Но и это оказалось лишним. Так и не допив кофе, она сорвалась с места, со стоном бросилась в ванную. Не было ее минут десять, Никита уже начал волноваться, подумывать, что, если она закрылась на защелку, дверь придется ломать.

Обошлось. Из ванной Эльза вышла бледная до синевы, с мокрым лицом и в прилипшей к спине футболке, но живая и относительно здоровая. В руке она держала пластмассовое ведерко с тряпкой. И где только откопала?

– Не ходи за мной, – сказала, не глядя на Никиту. – Я сейчас.

Значит, пошла убираться. Возросшая социальная сознательность – это хорошо, а вот тот факт, что пища не усваивается, – это плохо. Да и какая там пища, если разобраться? Дал бы он кому-то из своих больных кофе в таком состоянии? Вот то-то и оно, что не дал бы! Но тут такое дело, лучше кофе, чем ничего.

Никита вернулся на кухню, плюхнулся за стол. Голова гудела от стресса, недосыпа и сознания того, что взял на себя повышенные обязательства. А душу грызли совесть и злость. И еще разберись, кто из них опаснее. А Эльза все возилась и возилась, мыла пол, наводила в комнате порядок. Только что-то долго. Как бы ей снова...

Мысль эту Никита не додумал, выскочил из кухни, ворвался в спальню. Вовремя ворвался, как раз успел увидеть рыжую макушку в распахнутом настежь окне...

Ему понадобилось мгновение, чтобы перемахнуть через подоконник, и еще два, чтобы догнать Эльзу. Она неслась к запертым воротам, кошка летела следом. Вот же дурехи!

С Эльзой Никита не рассчитал, хотел просто поймать, но вместо этого повалил на газон, сам рухнул сверху, едва не придавив ее своим весом. Лучше бы придавил, потому что отбивалась она с неожиданной яростью, брыкалась, кусалась и царапалась. И ладно бы только она одна! Чертова кошка тоже кусалась и царапалась, а еще и выла дурниной. Отбиваться от обеих сразу было тяжело. Кошку Никита отшвырнул в сторону, Эльзу просто перекинул через плечо, как куль с зерном, чертыхаясь и пыхтя, поволок обратно в дом, швырнул на койку, подумал мгновение и воспользовался-таки ремнями. И только потом почти без сил рухнул в кресло, вытер струящийся по лбу пот. А Эльза продолжала бесноваться. И кошка выла за закрытой дверью, рвалась к своей бестолковой хозяйке.

– Дура ты, Эльза! – сказал Никита с чувством. – Чокнутая! Далеко бы ты убежала без документов и денег? Ты же даже не знаешь, где находишься!

Она ничего не ответила, только зыркнула на него своими зелеными глазищами. Теперь уже точно зелеными, не болотными. Кстати, пол в комнате она все-таки помыла! Решила, так сказать, уйти красиво. Да вот не вышло красиво. Никита встал, подошел к кровати, склонился над Эльзой. Она больше не бесновалась, отвернулась к стене. На тонкой шее лихорадочно билась синяя жилка.

– Я тебя не отпущу. – Он заправил рыжую прядь за ухо. Полюбовался веснушкой на полупрозрачной мочке. Веснушки возвращались, как и зелень глаз. Это просто замечательно. – Вернее, отпущу, но лишь когда тебе станет хорошо.

– Мне не станет хорошо, Никита. – Она говорила в стену, все еще не глядя на него. – Ты не понимаешь. Будет только хуже.

– Сначала возможно. Но Ильюха нам с тобой кое-что оставил на черный день. Из штопора мы тебя выведем очень мягко, Элли.

– А на черную ночь? – Все-таки она на него посмотрела. И во взгляде ее был страх. Нет, не страх – дикий ужас был в ее зеленых ведьмовских глазах! Словно бы только что Никита приговорил ее к смерти и готовился привести приговор в исполнение... – Ты не понимаешь... – Бесцветные губы дрогнули. – Ты ничего про меня не знаешь. Я не смогу без этих таблеток. Если я не отключусь, они придут за мной. Они уже приходили... Я не выдержу, если еще раз... Уколи мне что-нибудь, Никита! Ты же врач, у тебя есть! Уколи, умоляю тебя!

Она и в самом деле умоляла. И по впалым щекам ее текли крупные слезы, скатывались на подушку, оставляли темные следы на наволочке.

– Ты же видишь, какая я... Я никакая теперь, Никита! Я даже хуже, чем ты про меня думаешь. Ты просто уколи, а завтра отпусти. Можешь даже домой меня не отвозить, просто выпусти и скажи, в какую сторону идти. А мы сами... как-нибудь.

– Хорошо, Элли. – Он погладил ее по волосам. Волосы на ощупь оказались шелковистыми. – Я уколю.

Он ведь может кое-что для нее сделать. Ильюха его проинструктировал. Детоксикация и легкая седация, чтобы не было так больно и мучительно ни ей, ни ему.

– Спасибо! – Никто, ни один пациент не смотрел на него с такой благодарностью. Словно бы Никита и в самом деле спас ее. – Спасибо тебе.

Найти вены на ее руках оказалось задачей не из легких, но Никита справился.

– Отдыхай, Элли. Скоро тебе станет легче.

Легче не станет, если только самую малость. Но и плацебо иногда способно творить чудеса. Главное, в чудо поверить. Эльза поверила. Или она поверила не в чудо, а конкретно Никите?

– Кошку пусти, – попросила она, наблюдая за размеренным бульканьем раствора во флаконе. – С кошкой мне не так страшно.

– А со мной? – задал он вопрос, который не стоило задавать.

– А ты мне все равно не поможешь. – Сказала и снова отвернулась к стене...

* * *

Этот такой хлопотный, такой тяжелый день наконец закончился. Стемнело быстро, словно за окном был не тихий июньский вечер, а глухая зимняя ночь. Небо сначала посинело, а потом налилось непроглядной чернотой. Где-то вдали залаяли деревенские собаки, заухала на старой липе какая-то птица. А воздух сделался тяжелым и вязким, хоть ножом режь.

– К грозе, – сказал Никита сидящей рядом кошке.

Как только Эльза уснула, он вышел на крыльцо,дохнуть свежего воздуха, но оказалось, что снаружи еще хуже, чем внутри. Точно быть грозе.

А кошка ничего не ответила, только нервно дернула хвостом. Никита чувствовал, что не нравится ей так же сильно, как не нравится Эльзе. Если не сильнее. Вот ходит следом, глаз не сводит, а взгляд почти человеческий, словно она понимает все, что происходит.

– Она болеет. Ясно тебе?

Кошка ничего не ответила, отвернулась даже, но хвост ее продолжал нервно подрагивать.

– И если ее сейчас не вытащить, потом будет поздно. Потом ей уже никто не поможет. – Никита сорвал былинку, сунул в рот, пожевал. – Давно она такая... странная, а?

...Такой странной Эльза была всегда, столько, сколько Никита ее знал. А знал он ее с подросткового возраста.

В детском доме она появилась, когда Никите было почти семнадцать. Ему семнадцать, а ей, соответственно, пятнадцать. Чистенькая, аккуратненькая девочка, юбочка по колена, кофтейка, застегнутая на все пуговицы, изумрудная лента в рыжей косе. Никиту, помнится, тогда эта лента особенно впечатлила. Ну кто сейчас плетет косы? А если даже и плетет, то уж точно не с лентами! А еще веснушки. Эльза была усыпана веснушками вся, с головы до пят! Даже ресницы и брови у нее оказались рыжие. Без лисьей рыжины были только глаза. Но цвет Эльзиных глаз разглядеть получилось далеко не сразу. Она отводила взгляд,

смотрела или в пол, или на свои веснушчатые, сжатые в кулаки ладони.

Домашняя. Они сразу поняли, что она домашняя, не привычная ко всему тому, к чему ей еще предстояло привыкнуть. Такие пташки в их детдоме были редким явлением, его населяли все больше социальные сироты. Те, которых забрали от родителей-алкоголиков, те, что из неблагополучных семей. Или из относительно благополучных, в которых родители уже ступили на путь исправления, но до конца еще не исправились. Дети из таких семей считались в детдоме самыми счастливыми, их забирали на каникулы, а иногда и на выходные. Вот это настоящее счастье! А остальные, такие как Никита, которых никуда не забирали, к детдомовской жизни были привычны, а на домашних деток смотрели с легким презрением и лишь самую малость с завистью.

Вот только рыжая девчонка зависти не вызывала ни капли, даже жалости не вызывала – одно лишь глухое раздражение. Никита не сразу понял, что причина этого раздражения кроется в ее непохожести на остальных, в нежелании подстраиваться под систему.

Она ведь не подстраивалась! С самого первого дня вела себя так, словно она здесь ненадолго, словно очень скоро ее отсюда заберут. Вроде бы и не бунтовала, и режим не нарушала, но всегда была особняком, ни с кем из детдомовских ребят близко не сходилась. Да вообще не сходилась! За то и получала.

В дела мелюзги, да еще и девчонок, Никита не вмешивался, но до него доходили слухи, что пару раз рыжей Эльзе – это ж надо родиться с таким имечком! – ночами устраивали темную. Били не сильно, просто чтобы приучить, сломать и адаптировать. А она все никак не ломалась, синяки замазывала дешевым тональным кремом, не улыбалась никогда. Но самое главное, не жаловалась! Ни воспиталке, ни нянечке, ни директору. Жила себе в своей параллельной вселенной, и все.

Это сначала Никите казалось, что жила, уже потом, многим позже, он начал понимать, что не жила, а выживала. Как умела. А выживать-то она как раз и не умела.

День открытых дверей в их детдоме проводился не так чтобы очень часто, но достаточно, чтобы вызывать ненависть у тех, кому некого ждать. Никита был из

таких. Когда тяжелые чугунные ворота детдома распахивались едва ли не настежь перед дорогими гостями и трехэтажный старинный особняк наполнялся бесцеремонными незнакомцами, Никита либо отсиживался на чердаке, либо уходил в самый дальний уголок старого детдомовского парка. Чтобы не видеть и не слышать. А вот в тот раз замешкался, оттого и стал свидетелем некрасивой сцены.

Тетка была дебелая, краснощекая, пышногрудая, с выбеленными кудрями, которые поправляла отвратительно кокетливым жестом. Тетка приехала к Эльзе. А вместе с теткой приехал плюгавый мужичок с незапоминающейся внешностью и толстый пацаненок, непрестанно жующий жвачку.

Родня! Что и требовалось доказать – у домашней девочки Эльзы имеется-таки родня. Странно только, что родственникам Эльза была явно не рада. Никите даже показалось, что она пыталась от них спрятаться. Почти так же, как и он сам пытался спрятаться от всей этой суеты. Но в отличие от Никиты, у рыжей Эльзы не было ни опыта, ни сноровки, да и территорию она не знала так хорошо, как он. Эльза попала. Сначала в неискренние объятия, а потом, когда последний представитель администрации скрылся из виду, в куда более крепкие тиски.

– Чего рожа кислая такая? – шипела пергидрольная тетка и тащила Эльзу в глубь парка, подальше от посторонних глаз. – А ну улыбайся! Улыбайся, я кому сказала!

Вот не собирался Никита подслушивать и подглядывать! Как-то само собой вышло, что он пошел следом. Да не просто пошел, а тихо и незаметно.

– И нечего тут из себя сиротку строить! – Оказавшись на заросшей подорожником тропинке, пергидрольная тетка совсем перестала сдерживаться и дернула Эльзу так, что та едва не упала. А пацаненок заржал таким мерзким смехом, что Никите захотелось ему врезать. – А по чьей вине ты сиротка?! Из-за кого папашку твоего непутевого пристрелили?!

– Пустите меня! – Эльза продолжала вырываться, и тогда тетка ее ударила. Ударила в живот, специально, чтобы не оставалось видимых следов.

Снова заржал малолетний дебил, мужичок смущенно отвернулся, Эльза сложилась пополам от боли, а Никита заскрежетал зубами.

– И не рыпайся мне! – Тетка поправила кудри, обтянула на груди кофту. – Опеку мы над тобой готовим. Как единственные родственники. Вот дядя Вася документы соберет... – Она ткнула мужичка в бок, и тот ойкнул. – Слышь меня, Васька?! Справку чтобы взял из бухгалтерии. Устала повторять уже!

– Я к вам не пойду! – Эльза выпрямилась, перебросила рыжую косу через плечо, сжала кулаки. – Вы мне никто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-korsakova/vranova-pogonya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)